История русских революций в лицах
1900–1917

ИМПЕРИЯ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ

Михаил Зыгарь

Автор бестселлера «Вся кремлевская рать»

Михаил Зыгарь

Империя должна умереть

«Альпина Диджитал»

2017

Зыгарь М. В.

Империя должна умереть / М. В. Зыгарь — «Альпина Диджитал», 2017

ISBN 978-5-9614-4952-5

Революции не происходят неожиданно, империи не гибнут ни с того ни с сего. Главный урок, который мы можем вынести из революции 1917 года, – понимание того, почему император и его окружение в обстановке, которая требовала кардинальных внутренних реформ, не только на эти реформы не решились, но, наоборот, всеми силами пытались повернуть развитие страны вспять, усиливая опору на «традиционные ценности», православие и армию. Глава за главой, через живые истории людей, Михаил Зыгарь показывает, как империя неуклонно движется к катастрофе и почему ничто не может ее спасти. Главный герой этой книги – российское гражданское общество. Оно зарождается в первые годы XX века, развивается на глазах у читателя и на его же глазах исчезает вскоре после 1917 года. Узнавая хронику событий столетней давности, читатель может понять, что происходит сегодня, и попробовать заглянуть в будущее. Отзывы Книга Михаила Зыгаря необыкновенно увлекательна, оторваться от нее невозможно. Важнейший момент в истории России становится понятным благодаря тому, что люди, творившие эту историю, показаны совершенно живыми; порой хотелось в голос говорить им: «Нет, не надо, это ошибка, вы губите Россию!» Не могу вспомнить ни одной книги – ни российского, ни зарубежного автора, – которая бы столь полно, точно и мощно представила читателю суть ключевого исторического события. Тем, кто стремится понять, почему произошло то, что произошло, чтение этой книги обязательно. Владимир Познер Это именно такое изложение истории, которое лично мне больше всего нравится: безэмоционально-беспартийное, взвешенное, аналитическое – и при этом не скучное. Довольно редкое сочетание. Борис Акунин Странно, что такая книга не была написана раньше. Спокойное, внятное, но при этом крайне увлекательное изложение того, что случилось 100 лет назад. Эту книгу надо читать сегодня, потому что написана она для человека,

живущего в 2017 году, и апеллирует к нашим нынешним представлениям о том, как крутятся механизмы власти, как делается история страны и как ее можно потерять. Фёкла Толстая В замечательной работе Михаила Зыгаря очень подробно рассказывается, как Россия катилась к своему краху, какие ошибки и преступления (часто с предпочтением силы уму) делали этот крах неизбежным. Творцам сегодняшней истории хорошо бы почитать, подумать, извлечь урок. Владимир Войнович

ISBN 978-5-9614-4952-5

© Зыгарь М. В., 2017
© Альпина Диджитал, 2017

Содержание

Предисловие 9
Глава 1 12
Новый век 12
Старый пророк 14
Неотвратимая казнь 16
Настоящий Каренин 18
Великая ложь 19
Высокий покровитель 20
Бессмысленные мечтания 21
Великое переселение 23
Не молиться 24
Убийца в окне 25
Казанская битва 26
Два царя 28
Война и мир искусства 29
«Церковь на троих» 31
Хипстеры XX века 33
За железный занавес 35
Плохой монах 37
Приготовление к переходу 39
Два писателя, две актрисы 40
«Левочка умирает» 42
Глава 2 45
«Русь» или рубль 45
Хамелеон 47
Золотая молодежь 49
Московские олигархи и питерские либералы 51
Опера, драма, трагедия 52
Роман с госзаказом 54
Художники и рабы 56
Царьград наш 57
Невеликие великие князья 59
«Все-таки мы далеко ушли от Китая» 61
Китайский император Николай 63
Желтороссия 65
Борьба со смертью и борьба с режимом 68
Модный священник 70
Адмирал Тихого океана 72
Глава 3 76
Новогоднее пожелание 76
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Михаил Зыгарь
Империя должна умереть

Михаил Зыгарь

Империя должна умереть

История русских революций в лицах. 1900–1917

Редактор *Карен Шаинян*
Литературный редактор *Анна Шур*
Архивный редактор *Павел Красовицкий*
Научный консультант *Кирилл Соловьев*
Главный редактор и руководитель проекта *С. Турко*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Корректоры *Е. Чудинова, С. Чупахина*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*

© Михаил Зыгарь, 2017
© ООО «Альпина Паблишер», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Предисловие

Я не историк, а журналист. И эту книгу я писал по всем правилам журналистики: как если бы все герои были живы и я мог взять у них интервью. Примерно так же, как предыдущую мою книгу «Вся кремлевская рать».

К счастью, большинство моих героев рассказали свои истории – они оставили подробные дневники, письма и воспоминания, а также показания на допросах (список источников – в конце книги). К сожалению, многие из них врали (особенно в мемуарах), но большинство врали искренне, не сомневаясь в том, что говорят правду.

Увидеть Россию начала XX века глазами людей того времени – такова моя главная цель. Когда я начал писать книгу, у меня не было готового ответа на вопрос, почему погибла Российская империя. У меня не было теории, которую я хотел бы доказать читателю и ради которой подбирал бы факты. Наоборот, мне потребовалось много труда, чтобы очистить картинку от предубеждений, наслоений, стереотипов, которые оставили за собой десятки профессиональных историков. Уверенных в том, что революции в России были единым и необратимым процессом.

Мои герои ничего про это не знают. Каждый из них живет своей жизнью, даже не подозревая, что спустя много лет его сочтут песчинкой или, наоборот, движущим механизмом в историческом процессе.

Я начинаю книгу на рубеже XIX и XX веков. Это очень интересное время. Многие молодые столичные интеллектуалы – поколение нулевых – еще аполитичны, они очень отличаются от поколения старых диссидентов. Они считают политику чем-то вчерашним, неинтересным и немодным. Но политика резко вторгается в их жизнь, власти вмешиваются в свободу творчества, запрещая и закрывая все, что их не устраивает. Так постепенно начинаются первые в российской истории массовые митинги протеста – и то, как их подавляют, привлекает к ним все больше внимания. В течение нескольких лет в России возникает гражданское общество – активное, требовательное и сознательное.

Российские интеллектуалы возмущены расстрелом демонстрации рабочих 9 января 1905 года – после этого протестные настроения растут так быстро, что, кажется, их уже ничем не сдержать. Креативный класс требует всеобщих выборов, создания парламента, свободы слова, равенства перед законом – и уверен, что добьется своего. Эйфория продолжается почти год: сначала власти будто бы удовлетворяют часть требований, а потом нарушают почти все свои обещания. Вчерашний оптимизм в обществе сменяется тяжелым разочарованием. В России «закручивают гайки», многие считают, что пора валить.

Этот период – между 1905 и 1914 годами – одни современники видят самым благополучным временем Российской империи, «тучным» десятилетием, а другие – мрачными годами репрессий, фальсификаций на выборах, ручного управления судами. Большое влияние в России приобретают религиозные радикалы и мракобесы, требующие сурово наказывать деятелей культуры, оскорбляющих представителей власти или чувства верующих. Многие интеллектуалы эмигрируют – и уже в Европе продолжают бесконечно обсуждать судьбы родины. Здесь же живут представители царской семьи и двора, шокируя европейцев показным богатством.

Эта беззаботная для одних и безнадежная для других жизнь заканчивается внезапно: с началом Мировой войны, которой никто не ждет. Даже не сама война становится для России трагедией – а то, что государство, армия чиновников и бюрократов, не в состоянии с ней справиться. Все первые успехи на фронте заканчиваются из-за коррупции и некомпетентности.

Постфактум история всегда выглядит очень логично. Задним числом прослеживается замысел, разоблачается заговор, видна злая или добрая воля. Но если пытаться проживать историю шаг за шагом, день за днем, вместе с ее участниками, стройные концепции рассыпа-

ются. Ничто не выглядит предрешенным. Все герои все время ошибаются. Никто не может предугадать будущее даже на пару дней вперед. Никто не может спланировать даже собственную жизнь – потому что обстоятельства все время меняются, а от тебя как будто ничего не зависит.

Восстанавливая картину мира и логику действий своих героев, я не старался написать полную историю Российского государства с 1901 по 1917 год. Мне кажется, российская история и так зациклена на государстве, точнее даже, на Государе. Мы привыкли видеть нашу историю как совокупность биографий вождей – и за этим стройным рядом царей, генсеков и президентов совершенно не видно общества. Что хотели люди? Чего боялись? Что они делали и планировали? Все это для меня важнее, чем решения обитателей Царского Села или Кремля. Эта книга – попытка написать биографию российского общества. Изучить, к чему оно стремилось и почему под его напором империя должна была умереть.

В качестве главных героев я выбрал самых ярких представителей общества, лидеров общественного мнения – не только политиков, но и писателей, журналистов, художников, проповедников.

Эта книга – вовсе не академический труд. Я старался использовать язык, который кажется современным в России начала XXI века, – ради того, чтобы читателям было проще и понятнее. К примеру, сто лет назад должность, которая сейчас называется «замминистра», именовалась «товарищ министра», тогда как слово «заместитель» имело совсем другой смысл – «преемник». Зная подобные тонкости, я все же намеренно стараюсь не путать читателя и не перегружать его неважными архаичными подробностями.

В интересах читателя я позволяю себе использовать не только современную лексику, но и современные географические названия. При этом, отступая от сложившейся традиции, я называю героев так, как они называли сами себя и друг друга, а не так, как принято называть их в исторической литературе. Например, человек, которого обычно называют Евно Азеф, представлялся Евгением, а великого князя Александра Михайловича в кругу семьи звали Сандро, и так же он подписывал свои письма.

С той же целью – говорить с читателем на понятном языке – я представил современные эквиваленты для всех денежных сумм. Важно оговориться, что эти расчеты не претендуют на точность экономического исследования, а лишь призваны показать примерный порядок цифр.

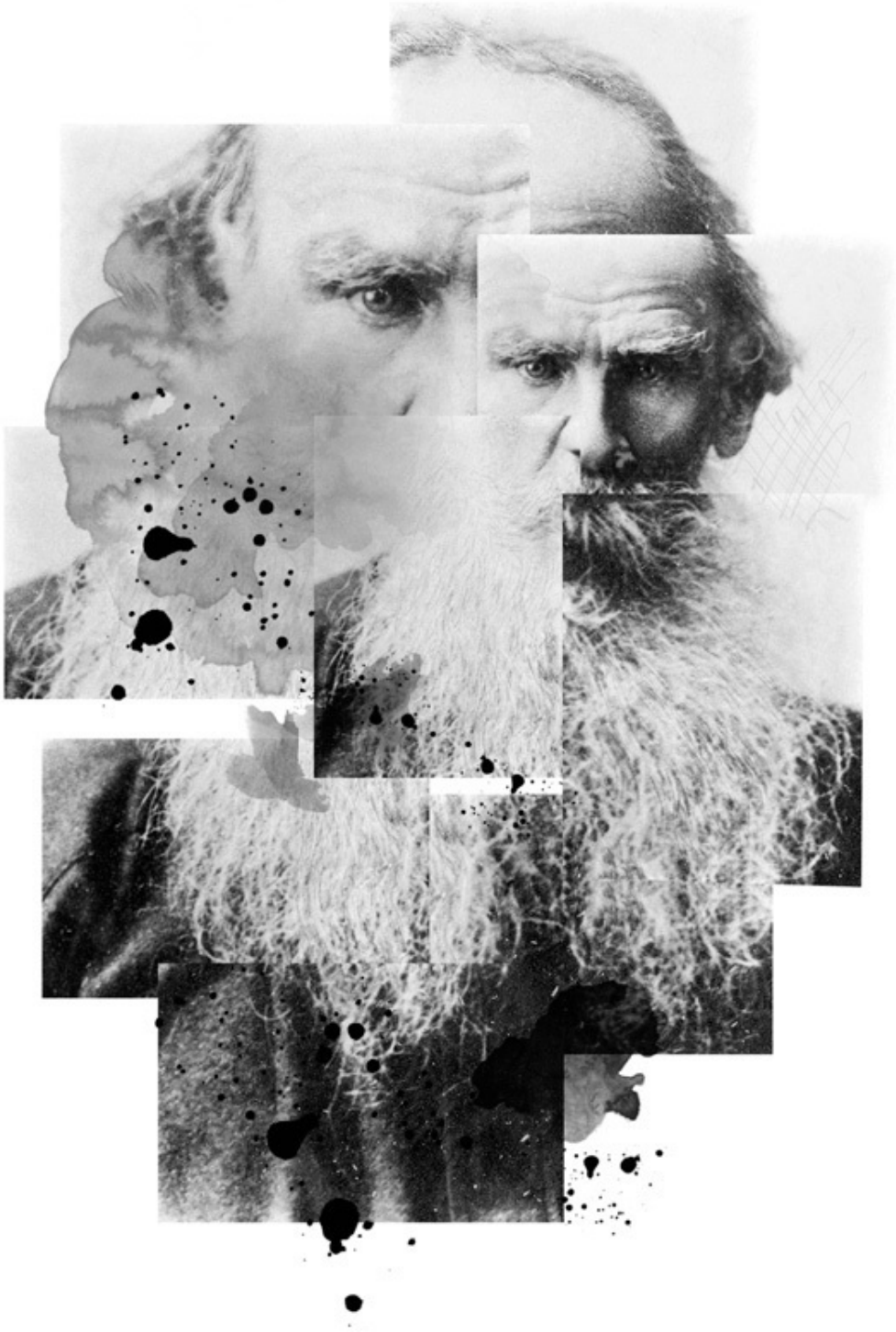
Эта книга – результат усилий огромного количества людей. В первую очередь это мои друзья и коллеги, которые работают вместе со мной в креативной студии «Свободная история». За два года нам удалось создать Проект1917 (project1917.ru) – уникальную базу дневников, писем, воспоминаний, статей, написанных людьми в 1917 году. Все эти материалы структурированы как соцсеть или текстовый сериал, онлайн-драма, которая позволяет каждый день смотреть внутрь 1917 года и видеть мир глазами его обитателей.

Эта книга не была бы написана без редакторского руководства Карена Шаиняна, без упорной работы редактора Анны Шур, без помощи Павла Красовицкого, который провел колоссальную исследовательскую работу в архивах, а также без организаторских способностей Веры Макаренко. Я хочу поблагодарить Алексея Ильина и издательство «Альпина Паблишер» за терпение и профессионализм. Я бесконечно признателен Александру Коляндру, Евгению Алексееву, Михаилу Черномордикову и Георгию Макаренко за помощь. В написании этой книги мне очень помогли профессиональные советы замечательных историков Кирилла Соловьева, Алексея Кузнецова и Бориса Колоницкого.

Еще я хочу выразить поддержку Кириллу Серебренникову, современником и другом которого мне посчастливилось быть. Я очень не хотел бы, чтобы этот выдающийся режиссер повторил судьбу кого-либо из героев моей книги.

Наконец, я хочу посвятить эту книгу своей дочери Лизе. Надеюсь, что она будет интересна ей и ее поколению. И они смогут избежать всех ошибок, которые совершили мы и наши предшественники сто лет назад.

Михаил Зыгарь



Глава 1
В которой Лев Толстой становится символом борьбы с режимом и главным идеологом оппозиции

Новый век

24 февраля 1901 года газета «Церковные ведомости», официальный печатный орган РПЦ, публикует текст «Определения Святейшего Синода о графе Льве Толстом», в котором говорится об «отпадении» от церкви самого известного писателя России.

Петербургское общество негодует. «Телеграфу, кажется, приходится в первый раз еще со времени своего существования передавать такое известие, – иронизирует приятель Толстого, журналист и писатель Владимир Короленко. – "Отлучение[1] от церкви", передаваемое по телеграфной проволоке, – парадокс, изготовленный историей к началу XX века». Православная церковь больше ста лет ни с кем так не поступала, при том что XIX век в России вовсе не был таким уж тихим и благочестивым временем. А тут вдруг решилась.

На следующий день, 25 февраля, текст из «Церковных ведомостей» перепечатывают все газеты, и о своем отлучении узнает Лев Толстой. Он в Москве, в своей усадьбе в Хамовниках. Граф, по словам его жены Софьи Андреевны, подавлен, вся семья в растерянности: чего теперь ждать?

К этому моменту 72-летний Толстой уже много лет живет даже не вне закона, а выше закона. Его книги запрещены, за их печать и распространение людей ссылают и сажают. Изгнан из России Владимир Чертков – любимый ученик, издатель и верный помощник писателя. Однако самого Толстого пока никто не трогал.

Русская православная церковь не отделена от государства, а значит, отпадение от веры – это уголовное преступление. За это могут и должны наказывать по законам светским: например, тюремным заключением. В последние двадцать лет то и дело появлялись слухи, что Толстого собираются отправить в Суздальский монастырь, действующую тюрьму для религиозных преступников, в которой сидят, например, иерархи старообрядческой церкви. Станет ли «Определение» Синода началом настоящих репрессий против писателя – неизвестно.

Прежде считалось, что Толстому покровительствует сам император Александр III, с детства любивший читать его произведения. Но император умер еще семь лет назад, в 1894 году. Зато жив его бывший учитель, многолетний идеолог империи Константин Петрович Победоносцев, ровесник Толстого (даже на год старше) и его заклятый враг. Новому императору Николаю II Победоносцев годится в дедушки – и имеет на него влияние, поскольку был и его учителем.

Многие при дворе считают, что отлучение – это личная месть Победоносцева. «Прочитал сейчас указ Синода о Толстом. Что за глупость. Что за удовлетворение личного мщения. Ведь ясно, что это дело рук Победоносцева и что это он мстит Толстому…» – пишет юрисконсульт кабинета императора Лебедев.

Граф Толстой, узнав о постановлении Синода, отправляется в Москву. В городе беспорядки. Они не связаны с отлучением: студенческие волнения в Москве и Петербурге начались еще в 1899 году, когда ректор Петербургского университета приказал исключать самых политически активных студентов (отчисленных студентов потом призывали в армию). Второй год

[1] С формальной точки зрения в «Определении» Синода слово «отлучение» не употреблялось. Однако все современники Толстого восприняли решение церкви именно так.

подряд в двух столицах то и дело вспыхивает университетская война. Толстой доезжает до Лубянки и натыкается на потасовку студентов с полицией. Новость об отлучении уже облетела город, писателя сразу узнают, и молодежь устраивает ему овацию.

Но аплодисментами дело не ограничивается. «Вот дьявол в образе человека», – кричат Толстому на Лубянской площади. «Настроение толпы было столь двойственно, что если некоторые и выражали свою симпатию Толстому, то другие не скрывали своей вражды и ненависти. Толстой поспешил сесть на извозчика и уехал» – так описывает этот день московский жандарм Александр Спиридович. «Если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избили», – вспоминает Толстой.

Дома графа ждут письма от незнакомцев. Открыв несколько наугад, он понимает: это начало травли. «Теперь ты предан анафеме и пойдешь после смерти в вечное мучение и издохнешь как собака… старый черт, проклят будь!» «Если правительство не уберет тебя, мы сами заставим тебя замолчать». «Чтобы уничтожить прохвоста тебя, у меня найдутся средства…» «Признаки такого же озлобления после постановления Синода я замечаю и при встречах с некоторыми людьми», – пишет Толстой.

Наряду с проклятьями приходят и слова поддержки, но к ним Толстой привык и в дневнике не цитирует.

Министерство внутренних дел запрещает любые публикации на тему отлучения Толстого – и наступает тишина, порождающая массу слухов. Владимир Чертков в Англии буквально сходит с ума, прослышав, что Толстой якобы арестован, – и забрасывает его телеграммами. Софья Андреевна пишет письмо петербургскому митрополиту Антонию – именно его подпись стоит первой под «Определением». Толстой продолжает читать все приходящие ему письма – а еще внимательно следит за последними новостями о студенческих беспорядках.

Победоносцев называет все разговоры об отлучении «тучей озлобления», поднятой ненавистной ему интеллигенцией. Крайне недоволен происходящим вокруг Толстого Николай II – царь не любит скандалов. Он вызывает старого Победоносцева и раздраженно спрашивает, почему никто не обсудил с ним решение об отлучении Толстого. Обер-прокурор Синода (фактически «министр церкви») Победоносцев улыбается: как же, приходил, докладывал, показывал проект «Определения». Просто император прослушал.

Победоносцев, воспитавший двух императоров, не самого высокого мнения о Николае II. Он нередко вспоминает, что в юности государь усердно ковырял в носу, когда ему пытались рассказать, как функционирует государство.

Старый пророк

К моменту отлучения от церкви положение Льва Толстого в России удивительно. Ему 72 года, он один из самых известных людей в стране – и последние двадцать лет враждует с властью.

«Оппозиционная деятельность» писателя начинается с духовного переворота в 1880 году. «Православие отца кончилось неожиданно, – вспоминает сын Толстого Илья. – Был пост. В то время для отца и желающих поститься готовился постный обед, для маленьких же детей и гувернанток и учителей подавалось мясное. Лакей только что обнес блюда, поставил блюдо с оставшимися на нем мясными котлетами на маленький стол и пошел вниз за чем-то еще. Вдруг отец обращается ко мне (я всегда сидел с ним рядом) и, показывая на блюдо, говорит:

– Илюша, подай-ка мне эти котлеты. Нет, не забыл, я больше не буду поститься, и, пожалуйста, для меня постного больше не заказывай.

К ужасу всех, он ел и похваливал. Видя такое отношение отца, скоро и мы охладели к постам, и наше молитвенное настроение сменилось полным религиозным безразличием».

Эти съеденные в пост котлеты по влиянию на мировую культуру можно сравнить разве что с табличками, которые Мартин Лютер в 1517 году якобы прибил к дверям Виттенбергской церкви. С отрицания поста Лев Толстой начал собственную реформацию христианства.

Толстой, еще в 1870-м начавший изучать древнегреческий, меньше чем за два года, в 1880–1881 годах пишет собственную версию Нового Завета: «Соединение и перевод четырех Евангелий». По сути это психологический роман о юноше Иисусе, который, конечно, не сын Бога, – просто Мария родила его не от своего мужа Иосифа, а «неизвестно от кого». Это не секрет для самого героя, но причина глубокой внутренней драмы. Все разговоры Иисуса с дьяволом – это внутренние диалоги, спор героя с самим собой. Толстой исключает из текста все чудеса, поскольку не верит в них, а заканчивает свое Евангелие смертью Иисуса на кресте – ни о каком воскрешении речи нет. Христос для Толстого – обычный человек, но при этом учитель, философ, моральный ориентир. Главный завет Христа, по версии Толстого, состоит в любви к людям, умении прощать и отказе от насилия, а вовсе не в церковных обрядах.

Толстой отрицает церковь как таковую и все ее ритуалы, поскольку считает, что они лишь разъединяют многочисленных христиан всего мира. Себя он видит создателем универсального христианства, освобожденного от примесей. Любопытно, что в своем Евангелии слово «фарисеи» Толстой меняет на «православные».

Толстой прекрасно понимает, что «Соединение и перевод четырех Евангелий» не может быть опубликовано в России – эту книгу печатают в Швейцарии. В России она выйдет в 1906 году, да и то не полностью. После перевода Евангелий Толстой пишет «Исповедь», позже статью «В чем моя вера?» и другие религиозные труды. Духовный переворот полностью меняет его жизнь и приводит к разладу с женой: Софья Андреевна не принимает новую религию Толстого, перестает быть его творческим напарником. С этого момента «духовным партнером» писателя и главным пропагандистом его идей становится Владимир Чертков. Взаимная ревность и ненависть между Чертковым и Софьей Толстой начинается в 1880-е – и будет продолжаться всю жизнь.

Меняется отношение Толстого и к творчеству, положению и успеху. Авторские права на все произведения, напечатанные до 1881 года, он передает семье, а все, что написано после, объявляет общим достоянием, за которое ему не нужно платить гонораров. Произведения, созданные до «переворота», в том числе «Войну и мир» и «Анну Каренину», он считает менее значимыми. Много лет спустя в ответ на восхищение гостя Ясной Поляны его романами Толстой скажет: «Это всё равно что к Эдисону кто-нибудь пришёл и сказал бы: "Я очень уважаю

вас за то, что вы хорошо танцуете мазурку"». Только свои религиозные труды граф считает достойными внимания.

И именно религиозные труды делают его подпольным писателем – печатать Толстого в России больше нельзя. Тем не менее его учение распространяется. Все чаще призывники отказываются от службы в армии, объясняя, что они последователи Толстого и насилие противоречит их религиозным убеждениям. Число толстовцев растет год от года, несмотря на то что они вне закона.

Неотвратимая казнь

1 марта 1881 года в Петербурге группа молодых людей из организации «Народная воля» убивает императора Александра II. Бомбу в царя бросает 25-летний поляк Игнатий Гриневицкий. Но руководит терактом 27-летняя дочь бывшего губернатора Петербурга Софья Перовская – это она машет белым платком, подавая сигнал убийце.

Смерть императора шокирует петербургскую элиту. На тот момент многие уверены, что Россия находится в двух шагах от принятия конституции. Еще за два месяца до убийства, в январе 1881 года, министр внутренних дел Михаил Лорис-Меликов пишет и приносит императору «всеподданнейший доклад» с изложением плана политических реформ. Через несколько десятилетий историки его назовут «конституция Лорис-Меликова». Проект предусматривает реформу Госсовета, фактически превращение его в подобие парламента, Александр II его одобряет, а утром 1 марта – за час до смерти – сообщает Лорис-Меликову, что через четыре дня документ будет принят Советом министров. Сын императора, будущий Александр III, конечно, знает об этих планах, так как участвует во всех обсуждениях.

Внезапная смерть царя все меняет. Все в растерянности, и, кажется, только Победоносцев точно знает, что делать. Он срочно пишет письмо новому императору, своему бывшему ученику. «Час страшный и время не терпит. Или теперь спасать Россию и Себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению, – о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может ещё играть в двойную игру. Если Вы отдадите Себя в руки ему, он приведёт Вас и Россию к погибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вёл игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет… И он – не патриот русский». В последней фразе Победоносцев, конечно, намекает на то, что Лорис-Меликов – армянин.

На совещании 8 марта Победоносцев произносит еще более страстную речь против либеральных реформ – его противники ошеломлены напором. Вскоре после этого Лорис-Меликова увольняют. «Слава Богу, этот преступный шаг к Конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете министров весьма незначительным большинством», – с удовлетворением пишет Александр III.

Лев Толстой поражен убийством императора. Он в Ясной Поляне, почти в тысяче километров от Петербурга. Новость о теракте в столице доходит туда только 3 марта. Толстой ничего не знает о том, какие интриги плетутся при дворе, но предвидит казнь цареубийц. Она кажется ему преступлением против сути христианства. И он пишет два письма: одно – Александру III, а второе – Победоносцеву, с просьбой передать первое. Пишет он их мучительно, почти целую неделю, и отправляет только 15 марта. В это время его терзают ночные кошмары: ему снится, что это он, а не Александр III казнит террористов.

В письме Толстой хочет объяснить императору, что казнь не только противоречит принципам христианства, но и не является эффективным способом борьбы с терроризмом: «Не простите, казните преступников, вы сделаете то, что из числа сотен вы вырвете 3-х, 4-х, и зло родит зло, и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40».

Победоносцев, конечно, царю этого письма не показывает. Такой соперник для него слишком опасен. Учитель Александра III знает то, чего не знает сам Толстой, – новый император очень любит писателя, вырос на его произведениях, зачитывался «Севастопольскими рассказами» в детстве, обожает «Войну и мир».

Победоносцев пишет императору сам: «Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к поми-

лованию преступников. Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет… Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия»[2].

Александр III успокаивает Победоносцева: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

Однако император ошибается. Друг Толстого Федор Страхов, который и привез письмо писателя Победоносцеву, предпринимает еще одну попытку выполнить просьбу Толстого – передает копию письма младшему брату царя, 23-летнему великому князю Сергею. И тот, в свою очередь, приносит письмо императору.

Удивительно, что через два десятилетия история повторится, но уже с другим концом. Сам великий князь Сергей будет убит террористами ровно так же, как и его отец Александр II. Жена Сергея, Елизавета, последует совету Толстого: она пойдет в камеру к убийце и будет просить помиловать его.

Однако в 1881-м ходатайства Толстого и младшего брата императора оказываются бесполезными. Александр III отвечает, что, если бы покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца не имеет права простить. 3 апреля пятерых убийц Александра II вешают.

Шестой осужденной, Гесе Гельфман, предоставляют отсрочку, поскольку она беременна. Она становится мировой знаменитостью – письма Александру III с просьбой пощадить Гесю пишут со всего мира, в ее поддержку выступает, например, Виктор Гюго[3]. Но вскоре после родов она все равно умирает, не получив достаточной медицинской помощи.

«Победоносцев ужасен. Дай Бог, чтобы он не отвечал мне и чтобы мне не было искушения выразить ему мой ужас и отвращение перед ним», – пишет Толстой в апреле 1881 года, не зная, что цареубийцы уже казнены. А Победоносцев действительно медлит и три месяца тянет с ответом Толстому.

Зато 30 апреля он пишет свою «антиконституцию», манифест о незыблемости самодержавия. Так могла бы называться половина всех законов, когда-либо принятых в России: «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России».

Суть документа проста: больше никаких либеральных реформ, никакой конституции, никакого парламента, никакой представительной власти.

В своем отчете императору Победоносцев признает, что «в среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением», зато «все здравые и простые люди несказанно радуются». Впрочем, это фирменный стиль Победоносцева – он всегда уверяет, что точно знает мнение народа и говорит от имени истинно русских людей. На самом деле его манифест становится предметом шуток – он входит в фольклор благодаря фразе «…а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления». За это его зовут «ананасным».

---

[2] Крайне распространенное явление – российские чиновники и в XXI веке уверены, что они знают, чего именно хочет народ, и могут говорить от его имени. Этой уверенности им добавляют соцопросы – например, используемые в администрации президента так называемые закрытые опросы ФСО.

[3] Участие мировой общественности в судьбе российских борцов с режимом станет долгой традицией. Освободить или смягчить приговор заключенным западные политические и культурные деятели будут просить и в советские, и в постсоветские годы. Один из последних примеров – дело Pussy Riot.

Настоящий Каренин

Начинается эпоха Победоносцева, которая продлится больше двух десятилетий.

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна.

Это через тридцать лет напишет про Победоносцева Александр Блок.

Только в июне 1881 года Победоносцев отвечает на мартовское письмо Толстого: «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос – не Ваш Христос. – Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение».

Победоносцев и Толстой ни разу в жизни не встречались. Но у «министра церкви» есть основания ненавидеть писателя. В этот момент, в 1881 году, петербургская общественность все еще зачитывается последним романом Толстого «Анна Каренина» (он был опубликован всего три года назад). Читатели пытаются найти прототипов. В Константине Левине ясно угадывается сам писатель. Кто же Каренин? Высокопоставленный чиновник (влиятельный, но без титула), чья жена неверна и эта измена общеизвестна. «Победоносцев!» – так думают все. Тем более жена Победоносцева Екатерина младше мужа на 21 год, и, говорят, у нее роман на стороне. Больше того, после выхода книги она начинает подражать Карениной в манере одеваться. Впрочем, возможно, все параллели между Победоносцевым и Карениным – это светская сплетня, по крайней мере, сам Толстой этого не подтверждал.

Великая ложь

К концу правления Александра II почти ни у кого в Петербурге не было ни малейших сомнений в том, что движение к конституционной монархии неизбежно, что перемены уже необратимы. Но индивидуальное усилие Победоносцева смогло все развернуть. Наиболее полно идеология Победоносцева выражена в его статье «Великая ложь нашего времени», написанной в 1884 году. Это он о демократии.

«Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия… идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции – и проникла, к несчастию, в русские безумные головы».

Победоносцев вовсе не считает, что у России особый путь и демократическое развитие не подходит именно ей. Он убежден, что демократия во всем мире уже обнаружила свою несостоятельность: «Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессора наши еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении, как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят о нем в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка; твердят, не давая себе труда вглядеться ближе, без предубеждения, в действие парламентской машины. Но уже и там, где она издавна действует, ослабевает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. Едва ли дождемся мы, но дети наши и внуки несомненно дождутся свержения этого идола[4], которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться».

Петербургское дворянство смеется над Победоносцевым, его презрительно обзывают «поповичем». Эта неприязнь взаимна: Победоносцев считает, что главная проблема страны заключается в образовании: самая неблагонадежная и нелояльная часть населения – это интеллигенция, то есть студенты, профессора и даже чиновники. Система знаний, которые они получают, не способствует развитию верности императору. Другое дело – церковно-приходские школы. Образование должно ограничиваться грамотой и Законом Божьим, считает Победоносцев. И создание сети подобных церковно-приходских школ становится делом его жизни.

[4] Слова Победоносцева поразительно точно совпадают с российской телевизионной пропагандой начала XXI века, утверждающей, что демократии не существует, западные страны ее только имитируют: во всем мире выборы подтасовывают, политиков и суды коррумпируют, полиция жестоко подавляет демонстрации и никаких демократических ценностей не существует. В это верят многие россияне и, весьма вероятно, большинство российских чиновников.

Высокий покровитель

Несмотря на вражду с «министром церкви», «Определение» Синода и запрет на публикацию произведений, самого Толстого по-прежнему не трогают. Такая ситуация невероятно злит писателя: все вокруг него под ударом, а он как будто в вакууме. В 1890 году Толстой разговаривает с религиозным философом Константином Леонтьевым, своим убежденным противником. «Жаль, Лев Николаевич, что у меня мало фанатизма, – сердится Леонтьев. – А надо бы написать в Петербург, где у меня есть связи, чтобы вас сослали в Томск и чтобы не позволили ни графине, ни дочерям вашим даже и посещать вас, и чтобы денег вам высылали мало. А то вы положительно вредны». «Голубчик, Константин Николаевич! – отвечает писатель. – Напишите, ради бога, чтоб меня сослали. Это моя мечта. Я делаю все возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и все сходит мне с рук. Прошу вас, напишите».

От репрессий Толстого оберегает Александр III, который, с одной стороны, ценит его творчество, а с другой – резонно полагает, что мученичество лишь поспособствует распространению толстовства. Но популярность писателя продолжает расти – в том числе благодаря его общественной деятельности. В 1891 году в Центральной России и Поволжье начинается голод. Толстой едет в Рязанскую губернию, открывает там сеть бесплатных столовых, собирает огромные средства в помощь голодающим. Во время одной из поездок он узнает, что на железнодорожной станции местный священник выступает перед голодающими крестьянами и уговаривает их не брать ничего у Толстого, потому что он антихрист. Поначалу крестьяне действительно отказываются: «Иди, иди, матушка, со своим хлебом, не надо нам антихристова подаяния», – вспоминает дочь Толстого Татьяна слова голодающих. Но затем все же принимают помощь.

Бессмысленные мечтания

В 1894 году покровитель Толстого Александр III умирает, не дожив до 50. Его преемнику Николаю II 26 лет, он не интересуется ни политикой, ни престарелым Толстым, ни его ровесником Победоносцевым, который раздражает и пугает молодого императора. Впрочем, главный тезис Победоносцева Николаю близок, он тоже уверен, что власть царя – от Бога, а всякая конституция – от дьявола.

Правление Николая II начинается со скандала. В начале 1895 года он принимает делегации от разных губерний. Во время встречи представители Тверской губернии в своем поздравлении говорят о необходимости увеличить роль общества в управлении государством. В своей ответной речи император называет их просьбу неожиданно резко: «бессмысленными мечтаниями».

Выражение «бессмысленные мечтания» немедленно становится крылатым. В высшем обществе обсуждают, как и почему молодой царь позволил себе такую неаккуратную формулировку. Известная петербургская светская дама генеральша Богданович записывает в дневнике популярный в столице юмористический стишок:

И нахмурив очи строгие,
Чтоб скорее зло пресечь,
Корифеям демагогии
Царь сказал такую речь:
«За благие пожелания
я вас всех благодарю.
Но бессмысленны мечтания
власть урезать мне, царю!
Вы о вольностях все грезите,
Как Дантон или Марат,
И с суконным рылом лезете
Sans façons, в зеркальный ряд.
Или вы воображаете
(в самом деле – как умно),
Что собою представляете
Вы парламента зерно.
Далеко зерну до колоса,
Не пришла еще пора.
Дам пока вам право голоса
Лишь для возгласа "ура!"».

Столичная молодежь относится к словам императора без улыбки. Сын пермского губернатора, недавний выпускник Петербургского университета, а теперь популярный публицист Петр Струве пишет «Открытое письмо к Николаю II». Письмо распространяется в виде листовок и, конечно, без подписи автора. «До сих пор Вы были никому неизвестны, со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет больше места "бессмысленным мечтаниям". Вас обманули, Вас запугали представители той именно придворной бюрократической стены, с самодержавием которой никогда не примирится ни один русский человек».

25-летний Петр Струве пишет 26-летнему Николаю о том, что интеллигенция наивно полагала, что царь и бюрократия – разные силы, а услышав про «бессмысленные мечтания», поняла, что это одно и то же: «Если самодержавие на словах и на деле отожествляет себя со

всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества… – дело его проиграно, – оно само себе роет могилу и, рано или поздно, – падет под напором живых общественных сил… Ваша речь в одних вызвала чувство обиды и удрученности…; у других – она обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами. Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать».

Не меньше Струве словами императора возмущен граф Толстой, хоть и не обещает императору немедленной революции. Он пишет статью «Бессмысленные мечтания» – пожалуй, наиболее полное изложение своей политической позиции; статью очень резкую и оскорбительную для молодого императора:

«Необдуманный, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя стал совершившимся фактом; общество, все русское общество проглотило оскорбление, и оскорбивший получил право думать (если он и не думает, то чувствует), что общество этого самого и стоит, что так и надо с ним обращаться, и теперь он может попробовать еще высшую меру дерзости и оскорбления и унижения общества».

Осуждая «нахальство молодого барчука», Толстой переходит к выводу, что монархия как таковая опасна для России:

«Ни один разумный человек не сядет в экипаж, если не знает, что кучер умеет править, и в поезд железной дороги, если машинист не умеет ездить, а только сын кучера или машиниста, который когда-то, по мнению некоторых, умел ездить; и тем менее не поедет в море на пароходе с капитаном, права которого на управление кораблем состоят только в том, что он – внучатный племянник человека, который когда-то управлял кораблем. Ни один разумный человек не вверит себя и свою семью в руки таких кучеров, машинистов, капитанов, а все мы живем в государстве, которое управляется, и неограниченно, такими сыновьями и внучатными племянниками не только не хороших правителей, но на деле показавших свою неспособность к управлению людей».

От монархии Толстой переходит к критике чиновничества:

«В последнее время люди эти до такой степени у нас в России пали в нравственном и умственном значении, что если они прямо не воруют, как воровали те, которых обличили и прогнали, – они даже не умеют притвориться, что преследуют какие-нибудь общие государственные интересы, они только стараются как можно дольше получать свои жалованья, квартирные, разъездные. Так что управляет государством не самодержавная власть – какое-то особенное, священное лицо, мудрое, неподкупное, почитаемое народом, – а управляет в действительности стая жадных, пронырливых, безнравственных чиновников, пристроившихся к молодому, ничего не понимающему и не могущему понимать молодому мальчику, которому наговорили, что он может прекрасно управлять сам один».

В завершение статьи Толстой прямо называет Победоносцева, который, по его мнению, является символом режима, «одуряет и развращает» народ. Это новый вызов государству; Толстой будто бы нарочно старается уязвить власть – и добиться наказания.

В 1897 году в России проходит перепись населения, и несколько тысяч человек называют себя толстовцами. Учение объявлено вредной сектой. Борьбу с ней возглавляет сам всесильный «министр церкви» Победоносцев.

Великое переселение

В первые годы правления Николая II Толстой начинает еще одну мощнейшую общественную кампанию – в защиту духоборов. Это христианская секта, очень близкая ему идейно: они отвергают обрядовую часть православия и любое насилие. В 1895 году духоборы, живущие недалеко от Тбилиси (тогда – Тифлис), протестуя против принудительного призыва в армию, собирают в кучу все имеющееся в местной общине оружие и сжигают. После этого репрессии против духоборов только усиливаются: их сажают в тюрьмы, отдают в дисциплинарные батальоны, ссылают.

Толстой и Чертков вступаются за духоборов, и вскоре о них начинает писать вся мировая пресса. И тогда у Толстого возникает идея вывезти духоборов туда, где их не будут преследовать. Рассматриваются разные варианты: Китай, Кипр, Гавайи.

Он начинает сбор денег и ради этого даже пересматривает собственное решение отказаться от гонораров. Специально побыстрее дописывает «Воскресение», чтобы все деньги от публикации романа отдать на помощь духоборам.

Правозащитная деятельность самого Толстого остается безнаказанной, но Черткову грозит ссылка в Сибирь. Благодаря связям удается сменить приговор на высылку за границу, и в 1897 году Чертков отправляется в Англию. Публицист, свободно владеющий английским, становится рупором Толстого в западном мире. И именно в Лондоне Чертков находит способ помочь духоборам. Новоявленный политэмигрант приходит к другому выходцу из России – князю Петру Кропоткину; тот живет в эмиграции уже больше 20 лет, с 1876 года. Знаменитый ученый-географ, открывший такое явление, как ледниковый период, и одновременно классик мирового анархизма берется помочь духоборам. Кропоткин не раз ездил в научные экспедиции в Канаду (и пришел к выводу, что эта территория геологически родственна Сибири). Туда он и предлагает переправить духоборов.

Историческое переселение начинается в 1898 году. Больше восьми тысяч человек в Батумском порту садятся на зафрахтованные Толстым корабли и отправляются в Квебек и Галифакс. К 1900 году колоссальная операция по спасению духоборов от репрессий заканчивается. Толстой демонстрирует, что он в состоянии жить в государстве и быть практически независимым от него.

Кстати, в романе «Воскресение» Толстой наносит еще один удар по Победоносцеву. Это уже не отдаленное сходство, как в случае с Карениным, – здесь есть персонаж, в котором Победоносцев угадывается безошибочно. Это абсолютное зло, «министр церкви» Топоров.

«Топоров… относился к поддерживаемой им религии так, как относится куровод к падали, которою он кормит своих кур: падаль очень неприятна, но куры любят и едят ее, и потому их надо кормить падалью».

Цензура, конечно, всю девятую главу, где содержится этот фрагмент, к печати не допускает. Но все заинтересованные лица, включая Победоносцева, читают полную версию.

Не молиться

Толстой раздражает и власть, и церковь. Но никто не решается на резкие шаги – и так продолжается до тех пор, пока он не начинает тяжело болеть. В 1899 году в газетах появляются рассуждения о том, что писатель может скоро умереть. Высшие чины Святейшего Синода совещаются: как поступать с Толстым, когда он умрет? Один из церковных иерархов, архиепископ Харьковский, даже пишет проект постановления об отлучении Толстого от церкви. В 1900 году митрополит Киевский рассылает секретное письмо, запрещающее всем священникам страны поминать Толстого. Но писатель выздоравливает. Зато скоропостижно умирает сам киевский митрополит.

Петербургский митрополит Антоний, несмотря на свою репутацию либерала, решает вопрос с Толстым закрыть. Раз уж принято тайное решение об отлучении Толстого – надо сделать его публичным. Он собирается просто обнародовать секретный циркуляр, но сперва решает утвердить его у государственного куратора церкви – Победоносцева. Тот переписывает текст и ужесточает его. Именно этот, отредактированный Победоносцевым, текст и попадает в «Церковные ведомости»[5]. Он подписан семью иерархами: Антонием и еще шестью митрополитами. Подписи «церковного министра» там нет.

По пунктам перечисляются все претензии к Толстому: проповедует свержение всех догматов православной Церкви, отрицает божественность Христа, непорочное зачатие, воскрешение, загробную жизнь, Страшный суд и все таинства Церкви. Следовательно, Толстой «сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью», поэтому церковь не считает его своим членом, пока он не раскается. Заканчивается документ короткой молитвой за Толстого, с просьбой к Богу вразумить его.

[5] Спустя сто лет Русская православная церковь тоже абсолютно несамостоятельна: несмотря на формальное отделение церкви от государства, она, по сути, функционирует как государственное ведомство, подконтрольное администрации президента.

Убийца в окне

8 марта 1901 года, всего через две недели после «отлучения» Толстого, обер-прокурор Синода Победоносцев сидит у окна в кабинете своего казенного особняка. Окна выходят на Литейный. Победоносцев, как обычно, работает допоздна, и его нетрудно заметить с улицы. Поздним вечером к окну подходит 25-летний Николай Лаговской, мелкий провинциальный чиновник, статистик из Самарской земской управы. Он достает револьвер и шесть раз стреляет в Победоносцева.

Первые пять пуль попадают в потолок, шестой выстрел дает осечку – Лаговской промахивается. Начинается шум, выбегают дворники, террорист пытается бежать, но его хватают.

Столичная полиция встает на уши, тем более что за неделю до этого убит министр народного просвещения Николай Боголепов. Это первое громкое покушение за двадцать лет; со смерти Боголепова и покушения на Победоносцева в России начинается эпидемия политических убийств.

По всей стране устраивают молебны за здравие Победоносцева. Не везде, однако, они проходят гладко: в Рязани, например, местные студенты устраивают скандал в момент службы «за здравие инквизитора». 74-летний Победоносцев – наверное, самый ненавистный чиновник в России, самый главный враг всех оппозиционеров: и студентов-революционеров, и петербургской интеллигенции. Лаговской на допросе говорит, что хотел «истребить его, как главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе», а главной виной Победоносцева считает «распространение в народе суеверия и невежества посредством церковно-приходских школ».

Лаговского приговаривают к шести годам каторги, он не доживет до освобождения, умрет в Сибири. Победоносцев переживет его, на него будут еще несколько раз покушаться.

Казанская битва

Через неделю после отлучения Толстого, 4 марта 1901 года, на площади около Казанского собора толпятся люди. Здесь не только студенты, но и столичные знаменитости, например два молодых писателя-социалиста. Они – полная противоположность друг другу. Один – молодой человек из хорошей семьи, сын пермского губернатора Петр Струве, второй – юноша из низов, Алексей Пешков, подписывающий свои произведения псевдонимом Максим Горький. Струве профессионально занимается политикой в стране, где нет политики. Это он писал анонимное «Открытое письмо Николаю II» шесть лет назад. А за год до этого он с единомышленниками, среди которых Владимир Ульянов, создал первую в стране социалистическую газету «Искра». Горький еще не читал «Искру», еще не знаком ни со Струве, ни с другими ее основателями. Зато он уже написал несколько рассказов, принесших ему огромную популярность среди молодежи. Но пока не переехал в столицу – живет в Нижнем Новгороде. Струве 31 год, Горькому – 32, он ровесник царя Николая II.

Митинг у Казанского собора – это, наверное, первая массовая политическая манифестация в истории России. Отличие от всех предыдущих студенческих волнений принципиальное: это не студенты борются за свои права, а представители самых разных сословий выходят, чтобы заступиться за студентов. Собравшиеся требуют отменить «временные правила», позволяющие любого политически активного студента отчислить и призвать в армию.

«Мы на площади; шумно оживленная, нервно возбужденная толпа – и ни одного полицейского, – вспоминал позже студент математического факультета Разумник Иванов, которому в этот момент 22 года. – Полиция, пешая и конная, вместе с отрядами казаков, до поры до времени запрятана во дворах прилегающих с площади домов. Ждем сигнала. Ударила полуденная пушка – и началось… В середине площади, в густой толпе молодежи, развернулся красный флаг – и в ту же минуту распахнулись ворота домов на Казанской улице и Екатерининском канале, отряды казаков врезались в толпу, работая наотмашь нагайками. Вопли боли и ярости, кровь, стоны раненых; крики негодования зрителей, которых пешая и конная полиция, разгоняя, избивала на тротуарах».

В избиваемой толпе не только молодежь, но и столичная элита. Горький вспоминает, что многие офицеры отказываются подчиняться градоначальнику Клейгельсу, который командует разгоном, некоторые даже вступают в бой с казаками.

«Одного из этих офицеров я видел в момент, когда он прорвался сквозь цепь жандармов. Он весь был облит кровью, а лицо у него было буквально изувечено нагайками, – вспоминает Горький в письме другу Антону Чехову. – Другой кричит: "Они не имеют права бить нас, мы публика!" Во все время свалки офицерство вытаскивало женщин из-под лошадей, вырывало арестованных из рук полиции и вообще держалось прекрасно».

Струве приходит в исступление, вспоминает подруга его жены, участница митинга Ариадна Тыркова: «Это черт знает что такое! Как они смели? Как они смеют меня – меня! – по ногам колотить нагайкой!» – кричит он, завидев знакомых. Мы все были возбуждены, но, слушая его нелепый, нескладный, несколько раз повторенный выкрик – меня! Меня! – я чуть не рассмеялась».

Негодование Струве и других свидетелей понятно: в начале XX века российские полицейские еще не бьют людей – даже арестованных, а дворян тем более. Это запрещено законом: телесные наказания применимы только к одному сословию, крестьянам, составляющим, впрочем, 80 % населения.

Главным героем митинга у Казанского собора становится князь Леонид Вяземский, бывший астраханский губернатор и член Государственного совета. Когда начинается избиение, он

подбегает к столичному градоначальнику Клейгельсу и кричит на него, что это превышение полномочий и нужно немедленно прекратить зверство. Тот не реагирует.

Студент Иванов вспоминает, что митингующие разгромлены, избиты, оттеснены к ступеням Казанского собора, куда они и вваливаются всей толпой, поддерживая раненых; их складывают на мраморные скамьи около гробницы Кутузова. «В соборе заканчивалось воскресное богослужение, прерванное нашим появлением, шумом и криками, – вспоминает Иванов. – Из алтаря появился командированный священником дьякон:

– Звери вы или люди? Врываетесь, безбожники, во храм, где идет божественное служение, фуражек не снимаете, бесчинствуете… Устыдитесь!

– Отец дьякон, не мы бесчинствуем, а полиция, – взгляните на окровавленных и раненых; нас загнали в собор, мы не доброю волей сюда вошли…»

После чего в собор входит полицейский полковник и заявляет, что у митингующих есть полчаса на то, чтобы разойтись и тем доказать, что они люди законопослушные. «Не для того мы шли на демонстрацию, чтобы доказать свою гражданскую благонамеренность!» – вспоминает Иванов. За полчаса из собора уводят раненых, а остальных (500–600 мужчин и около сотни женщин) арестовывают.

Горький пишет Чехову, что, по официальным данным, убито четыре человека, избито 62 мужчины и 34 женщины, полицейских, жандармов и казаков ранено 54. «Я вовеки не забуду этой битвы! Дрались – дико, зверски, как та, так и другая сторона. Женщин хватали за волосы и хлестали нагайками, одной моей знакомой курсистке набили спину, как подушку, досиня, другой проломили голову, еще одной выбили глаз. Но хотя рыло и в крови, а еще неизвестно, чья взяла», – вспоминает писатель.

Струве арестован и сослан в Тверь, Горький избежал ареста. Князь Вяземский отправлен в свое имение. Многие участники митинга попадают в тюрьму, но, по воспоминаниям Ариадны Тырковой, столичная молодежь не очень боится заключения: «Мы твердо знали, что в русских тюрьмах не пытают. Никто и мысли не допускал, что в наш просвещенный век в Петербурге заключенных могут подвергать средневековым мучениям. В тюрьму вошли без страха. Ну, подрались немного с казаками на площади, показали правительству, что умеем протестовать против насилия. Посидим в кутузке, велика беда»[6].

[6] Удивительный контраст с началом XXI века – через сто с лишним лет после описанных событий побои и пытки в российских тюрьмах никого не шокируют. Они не воспринимаются как средневековая дикость, власти не пытаются с ними бороться, попытки единичных представителей гражданского общества что-то изменить в российской карательной системе пока безуспешны. В обществе существует негласный консенсус, что жестокое обращение с арестованными и заключенными – это норма и неизбежное зло.

Два царя

Толстой, находящийся в Москве, поражен произошедшим. Спустя несколько дней после разгона митинга он пишет письмо «Царю и его помощникам» – самый важный свой публицистический текст со времен «Бессмысленных мечтаний», в котором излагает предложение политических реформ, состоящее из трех пунктов.

Во-первых, «уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами» (в частности, «уничтожить бессмысленное позорное телесное наказание»). Во-вторых, реформировать правоохранительные органы, поскольку нынешнее всевластие полиции поощряет «доносы, шпионство, грубое насилие», «не применять развращающую людей, противную христианскому духу русского народа и не признанную до этого в нашем законодательстве смертную казнь, составляющую величайшее, запрещенное богом и совестью человека преступление». «В-третьих – уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию».

Это письмо Толстой сначала отправляет в Лондон Черткову, посоветоваться. Тот вносит стилистические правки и советует требовать еще и свободы слова и печати. Толстой принимает все рекомендации, но про свободу слова писать отказывается. По его словам, он нарочно не упомянул о ней – простому народу это требование будет непонятно, большинство населения под ним не подпишется.

Толстой отправляет письмо в Петербург. Его, естественно, нигде не публикуют, и прислушиваться к его требованиям никто не собирается. Однако столичная интеллигенция, конечно, письмо читает – оно распространяется подпольно, как и остальные запрещенные произведения графа, опубликованные Чертковым за границей.

Алексей Суворин, издатель провластной газеты «Новое время», прочитав письмо Толстого, пишет в дневнике: «Два царя у нас: Николай Второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджимает хвост. Герцен громил из Лондона. Толстой громит в Лондоне из Ясной Поляны и Москвы, громит в России при помощи литографий, которые продаются по 20 коп. Новое время настает, и оно себя покажет. …Хоть умереть с этим убеждением, что произвол подточен и совсем не надо бури, чтоб он повалился. Обыкновенный ветер его повалит».

Из-за отлучения Толстой снова входит в моду. Московский жандарм Спиридович с недоумением вспоминает, что до этого проблем из-за Толстого у московской полиции никогда не было: «Не разрекламируй в то время Толстого Святейший Синод, Толстой, как учитель жизни, продолжал бы оставаться спокойно в стороне и в тени» – так полагает жандармский офицер, работа которого – бороться с толстовцами.

Война и мир искусства

Утром 15 марта 1901 года 28-летний Сергей Дягилев открывает газету и из рубрики «Правительственные новости» узнает о собственном увольнении из дирекции императорских театров «без прошения и пенсии по третьему пункту». Это самая страшная формулировка, которую может себе представить российский чиновник, позорное изгнание с волчьим билетом. Дягилев не верит своим глазам, ведь он считал, что на его стороне сам император и масса других влиятельных людей. А теперь все разрушено одним росчерком пера его упрямого начальника.

До этого утра Дягилев числился главным редактором сразу двух модных столичных журналов. Один из них – эстетский «Мир искусства» – он придумал сам и издавал на деньги миллиардера Саввы Мамонтова и других спонсоров. Второй – государственное, официозное издание «Ежегодник императорских театров». Известность в столице Дягилев получил, конечно, благодаря первому.

Еще в 1898 году 26-летний выпускник юрфака Дягилев вместе с другом-однокурсником Александром Бенуа нашел деньги на выпуск журнала о современном искусстве. Два молодых юриста планировали бросить вызов традиционному российскому культурному сообществу. Творчество передвижников, живых классиков конца XIX века, казалось им скучным и устаревшим. Дягилев и Бенуа совершенно не интересовались ни политикой, ни социальной проблематикой. Они хотели нового, модного и провокационного искусства – как на Западе – и собирались делать журнал именно об этом. В мае 1898 года Дягилев и его спонсор Мамонтов вместе дают программное интервью. «Журнал должен совершить в нашем артистическом мире переворот почти такой же, как и в публике, кормившейся до сих пор остатками надоевших уже Европе течений», – нагло говорит будущий редактор.

В редакцию «Мира искусства» входят также двоюродный брат и любовник Дягилева 26-летний Дима Философов и 35-летний художник Леон Бакст. Одновременно Дягилев организует выставки прогрессивных художников: Бенуа, Бакста, Михаила Врубеля, Константина Сомова.

И выставки, и первый же номер журнала старшее поколение деятелей культуры считает оскорбительными. Правда, обижаются не все, главный художник страны, Илья Репин, наоборот, относится к молодежи с симпатией и даже обещает присылать статьи в «Мир искусства». Но, например, классик-пейзажист Василий Поленов просто вне себя. От имени разгневанных стариков выступает Владимир Стасов, самый влиятельный художественный критик страны, близкий друг и Льва Толстого, и покойного Федора Достоевского. Он негодует, что молодое поколение столь несознательно и бессмысленно (никакого социально-политического содержания в их работах действительно нет). «Оргия беспутства и безумия», «декадентские нелепости и безобразия» – так Стасов описывает все, что делает «Мир искусства», а Дягилева называет «декадентским старостой».

Возмущение стариков увеличивает интерес к Дягилеву и его команде, но отпугивает спонсоров. Деньги заканчиваются. Помощь приходит откуда не ждали. Валентин Серов, художник, казалось бы, не дягилевского круга, решает спасти молодых провокаторов и их журнал. В свои 35 Серов – самый востребованный портретист страны и самый популярный при дворе художник. Весной 1900 года он пишет портрет Николая II и во время работы рассказывает императору о проблемах Дягилева. «Я в финансах ничего не понимаю», – наивно замечает Серов. «И я тоже», – поддакивает император. И распоряжается выделить «Миру искусства» пятнадцать тысяч рублей[7].

[7] Примерно равно 11 865 000 рублей (на 2017 год).

Поддержка царя неожиданно превращает Дягилева из скандалиста-маргинала в признанного новатора. Почуяв, что «Мир искусства» набирает вес, чиновники от культуры становятся внимательнее к Дягилеву и уже осенью его назначают на важный пост: чиновником по особым поручениям при дирекции императорских театров. В его обязанности входит выпускать ежегодный журнал, и он превращает официозный альманах в роскошный художественный буклет.

Карьера Дягилева складывается блестяще. Он придумывает себе новые неожиданные проекты, решает сам в качестве режиссера поставить балет – «Сильвию» Лео Делиба. Директор императорских театров Сергей Волконский дает добро, но все же очень боится, что на него накинется «культурная общественность», поэтому в пресс-релизе пишет, что постановщиком нового балета будет он сам, а о Дягилеве не упоминает.

Амбициозный Дягилев уступать не собирается. Считая, что пользуется покровительством самого императора, он сообщает начальству, что, если его не назначат официально, он и балетом заниматься не будет, и новый ежегодник редактировать откажется. Философов, Бакст и Бенуа поддерживают Дягилева и обещают уйти вместе с ним. Молодежь уверена в собственной неуязвимости, ведь один из великих князей, симпатизирующих Дягилеву, постоянно ходатайствует о нем лично императору, да и Николай II якобы говорит, что «Дягилеву незачем уходить». Однако Волконский и его сторонники оказываются настойчивее, чем переменчивый император, и в итоге о собственном увольнении Дягилев узнает из газеты.

«Церковь на троих»

В Чистый четверг 29 марта 1901 года ровно в полночь супруги Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, известные петербургские журналисты и литераторы, запирают двери своей квартиры и начинают двигать мебель. Они молча все выносят из гостиной, оставив там только стол и стулья. Стол накрывают новой белой скатертью, ставят на него три трехсвечника, кладут длинный тонкий нож, соль, хлеб, цветы и виноград. Заранее куплены церковная чаша, свечи, красный атлас, золотая тесьма – все это лежит наготове в соседней комнате.

Закончив приготовления, Мережковский умывается, надевает чистое белье, а Гиппиус вместо платья облачается в новую белую сорочку. Они расходятся по своим комнатам и ложатся спать. Но в двадцать минут второго к ним приходит гость. Это Дима Философов.

Мережковский, Гиппиус и Философов собираются вокруг стола. «Спросим себя в последний раз, может быть, лучше не надо?» – говорит Мережковский. После этого они втроем надевают кресты и начинают странный ритуал: целуют друг другу руки, зажигают свечи, читают молитву, режут хлеб и опускают его в чашу с вином. Пьют вино по очереди. Этим обрядом они создают новую церковь – «церковь на троих». Сами они называют ее «Церковью Третьего завета».

Молодые провинциалы Мережковский и Гиппиус переехали в столицу еще в 1889 году и довольно быстро прославились своей публицистикой. Они – представители нового поколения интеллигенции, которое демонстративно не интересуется политикой. В этом их бунт против старшего поколения.

«Старики», чья молодость и зрелость пришлась на реформы Александра II, то есть 1860-е и 1870-е годы, читают и пишут бесконечные тексты о политике, обсуждают правительство, цензуру, печать и, конечно, делят всех на «рукопожатных» и «нерукопожатных». Так, столичная либеральная интеллигенция этого поколения знает, что можно ходить в гости, скажем, к поэту Плещееву, который хоть и беден, но прогрессивен. А вот к поэту Майкову приходить неприлично, потому что он государственник и мракобес. Появляться у поэта Полонского и вовсе за гранью допустимого, ведь он работает цензором.

На этом фоне поколение 90-х держится крайне аполитично. Многие приехали в столицу из провинции и не собираются сразу распределяться по лагерям. Зинаида Гиппиус пишет, что журналист должен выбрать, в какой мешок залезть: на одном мешке написано «либералы», а на втором – «консерваторы». Но сама Гиппиус демонстративно плюет на все «мешки» и условности. Они с Мережковским нарочно ходят и к Плещееву, и к Майкову, и даже к Полонскому, чтобы продемонстрировать окружающим отсутствие политических предрассудков.

Однажды в очередных «нерукопожатных» гостях Гиппиус замечает, что ее внимательно изучает какой-то незнакомый старик. Только после его ухода она спрашивает у хозяина, кто был тот странный человек. Оказывается, что это сам Победоносцев.

Увлечения Гиппиус и ее мужа сильно контрастируют с тем, чем принято заниматься в столичном обществе. Их прельщают мистические и сексуальные эксперименты. Мережковский называет это «философией пола» – и, когда заводит романы на стороне, объясняет жене, что таким образом изучает свои религиозные чувства («Плотское влечение он оправдывает мыслями о святости пола и о святой плоти», – вспоминает Гиппиус). У Гиппиус и Мережковского крайне свободные отношения. Она часто влюбляется (причем не только в мужчин) и свои влюбленности тоже воспринимает как часть религии.

Гиппиус – секс-символ нового поколения петербуржцев. Она ходит в мужском костюме, любит эпатировать общество высказываниями вроде «люблю себя, как Бога».

В ходе своих экспериментов Гиппиус вступает в секту хлыстов – подпольное мистическое христианское течение, преследуемое церковью. Собрания хлыстов проходят по ночам (иногда

в банях), во время богослужений верующие занимаются самобичеванием, кружатся в танце и входят в состояние транса, подобно дервишам. По слухам, хлысты отвергают брак и практикуют групповой секс, за что и подвергаются гонениям. Все это только разжигает любопытство Гиппиус, она даже входит в «думу» – руководящий орган столичной хлыстовской общины.

В 1899 году Дмитрий Мережковский придумывает, что они с женой должны создать свою собственную «внутреннюю» церковь – потому что обычная не соответствует их представлениям о Боге. Так появляется замысел «Церкви Третьего завета» или «Плоти и Крови», которая могла бы удовлетворить людей их круга, ответить на их вопросы. К этому обсуждению Гиппиус и Мережковский привлекают всех своих друзей: в первую очередь таких же самоуверенных экспериментаторов, как и они сами, издателей журнала «Мир искусства» – Сергея Дягилева и его друзей.

Из всей компании мистическими поисками Мережковских всерьез увлекается только Дима Философов. Сначала они просто собираются и разговаривают «про пол» – то есть про секс, возводя его в мистическую философию. «И всё тут смешалось, стало смешным и ужасным, и нельзя уж было понять, где грех», – вспоминает Гиппиус. Трудно разобраться, кто в этой троице как к кому относится. Гиппиус, очевидно, влечет к Философову (в дневниках она это отрицает), гомосексуала Философова – скорее к Мережковскому. «У меня нет любви к вам, лично к вам, и даже нет желания любви», – говорит Философов Зинаиде. «И мысленно: "Напрасно ты в меня влюблена"», – добавляет она.

Завершая ритуал, под утро трое целуют друг друга крестообразно: в лоб, в уста и глаза. Троебратство создано. Светает. Философов уходит, и Гиппиус говорит мужу: «Почти сделан первый шаг на пути, возврата с которого нет, остановка на котором – гибель».

Хипстеры XX века

8 октября 1901 года к Победоносцеву приходит группа молодых людей. Молодыми они, конечно, кажутся Победоносцеву – им всем за 30, они ровесники царя. Сами визитеры считают себя известными журналистами, но в присутствии серого кардинала Российской империи теряются. Самому старшему из них уже 45 лет, это Василий Розанов, философ и публицист. Самому младшему – Философову – 29. Но говорит в основном 35-летний Дмитрий Мережковский.

Цель их визита состоит в том, чтобы добиться разрешения на публичные дебаты между столичной интеллектуальной элитой и духовенством. Цель на первый взгляд наивная: в стране действует церковная цензура, обсуждение религиозных вопросов под запретом, ни одна книга Толстого о религии не опубликована легально. И вдруг молодые люди приходят к главному душителю свобод, чтобы просить о снятии установленного им же запрета. Главного идеолога цензуры они просят ввести точечную свободу слова и свободу собраний. И Победоносцев их не прогоняет.

Эти молодые люди видят Победоносцева совсем не так, как старшее поколение российской интеллигенции. Для них это вовсе не средневековый инквизитор, который полгода назад отлучил от церкви Толстого. Да и к старику Толстому эта модная молодежь особенного пиетета не испытывает. Мережковский как раз публикует в «Мире искусства» у Дягилева статью «Л. Толстой и Достоевский», в которой противопоставляет земное начало, «человеческую правду» Толстого духовному началу, «Божеской правде» Достоевского. Самому автору, конечно, намного ближе Достоевский.

Победоносцев ничего не знает про эту компанию. Он вряд ли читал статьи Мережковского, точно не слышал про их с женой сексуально-мистические эксперименты. Скорее всего, Победоносцев не знает и о романах из цикла «Христос и Антихрист» Мережковского, в которых автор подходит к тому, что Христос – это и есть Антихрист.

Старый «министр церкви» неожиданно добр. Он отправляет молодежь к митрополиту Антонию – пусть тот и решает. Вся компания едет в Александро-Невскую лавру: после согласия Победоносцева уговорить либерального митрополита оказывается совсем не сложно. Публичные дискуссии о религии разрешены.

Идея принадлежит Зинаиде Гиппиус. В сентябре 1901 года, через несколько месяцев после создания «церкви на троих», Зинаида и Дмитрий гуляют в лесу около своей летней дачи под Лугой, обсуждают скорое возвращение в столицу. «Что ты думаешь делать эту зиму? Продолжать эти наши беседы?» – спрашивает она. Мережковский кивает.

Под «беседами» Гиппиус имеет в виду еженедельные собрания столичной богемы в их квартире на Литейном, 24, в доме Мурузи. К Мережковским приходят известные молодые журналисты и литераторы. А каждую среду вся компания, включая Мережковских, сидит у Дягилева, в редакции журнала «Мир искусства», которая располагается прямо в его огромной квартире. Квартиры Дягилева и Мережковских – это два главных адреса актуального Петербурга, там собираются самые интересные люди, ведутся самые интересные разговоры об искусстве, литературе, религии – обо всём, кроме политики.

Сергей Дягилев и его друзья интересуются искусством, Дмитрий Мережковский – религией и философией, но они бунтуют вместе – не против властей, а против старшего поколения, против скучного социального пафоса, против старомодной публицистики. В центре их внимания – они сами.

Но Гиппиус сложившийся формат домашних посиделок разонравился. «Разве ты не видишь, – говорит она мужу, – что все эти беседы ни к чему нас не ведут? Говорим о том же, с теми же людьми, у которых у каждого своя жизнь, и никакого общения у нас не происходит.

То есть внутреннего, настоящего общения. Не думаешь ли ты, что нам лучше начать какое-нибудь реальное дело в сторону, но пошире, чтоб были… ну, чиновники, деньги, дамы, чтобы разные люди сошлись, которые никогда не сходились и не сходятся».

За железный занавес

«Мир духовенства был для нас новый, неведомый мир, – вспоминает Зинаида Гиппиус. – Мы смеялись: ведь Невский у Николаевского [Московского] вокзала разделен железным занавесом. Что там, за ним, на пути к Лавре? Не знаем: terra Incognita».

Единственный человек в их богемной компании, кто знаком не понаслышке с духовенством, это Василий Розанов – тоже известный журналист и критик, хоть и человек немного не их круга. Он не любит большие сборища и никогда не говорит на публике. Зато в более камерной обстановке даже с незнакомым собеседником немедленно начинает общаться близко и тесно, подчеркнуто интимно. Розанов почти всегда юродствует, иронизирует, провоцирует и троллит собеседника и читателя. Он не считает зазорным писать гадости о знакомых и, что особенно экстравагантно для того времени, писать очень откровенные и нелицеприятные вещи о себе самом. Розанов не стесняется внутренних противоречий в своих рассуждениях, часто отстаивает противоположные точки зрения. «Нравственность? Даже не знал никогда, как это слово пишется».

Отчасти одиозность Розанова объясняется его личной драмой. Он был женат на Аполлинарии Сусловой, бывшей любовнице его кумира, Федора Достоевского. Суслова сильно его старше и обладает деспотичным характером. Все семь лет совместной жизни она терроризировала и била Розанова, а потом бросила, не дав официального развода. Со своей новой женой и матерью его пятерых детей Розанов вынужден жить гражданским браком.

Розанов – не светский персонаж, живет довольно бедно, даже став известным журналистом, все равно вынужден подрабатывать чиновником в контрольном ведомстве – а в промежутках писать свои бесконечные статьи во все журналы подряд, даже в «нерукопожатные» («Детишкам на молочишко» – так, извиняясь, говорит Розанов о своем журналистском творчестве).

Для Мережковских Розанов ценен тем, что к нему в гости заходят не только богемные литераторы, но и священники. Именно у него дома, по словам Гиппиус, «понемногу наметилась дорожка за плотный занавес».

Мережковские рекламируют свою затею как «сближение интеллигенции с церковью». От самого Розанова все приготовления держат в строжайшем секрете, чтобы не проболтался. У него же они знакомятся с Василием Скворцовым, помощником Победоносцева и главным редактором церковного журнала «Миссионерское обозрение». Скворцов готовит «министра церкви» к визиту журналистов и уговаривает не отказывать им с порога. При помощи новых звездных знакомых сам Скворцов хочет попасть в высшее общество и превратить свое «Миссионерское обозрение» в настоящий «журнал».

Итак, разрешение получено. Первое заседание происходит 29 ноября 1901 года в малом зале Географического общества. В самом помещении стоит огромная статуя, подаренная обществу после недавней экспедиции. Но, чтобы она не смущала участников, ее заматывают тканью. Зинаида Гиппиус по очертаниям предполагает, что это статуя Будды – и именно так называет ее во всех своих воспоминаниях. Но она ошибается. Любопытный Александр Бенуа решает проверить, кто же немой свидетель дебатов, – и обнаруживает, что это «вовсе не Будда, а страшный монгольский шайтан, с рогами, клыками, весь мохнатый и огромного роста».

Председателем собраний назначают надежного человека, ректора духовной академии епископа Сергия (Страгородского). Спустя 42 года, во время Великой Отечественной войны, он станет «сталинским» патриархом Московским и всея Руси. Но в 1901 году епископу всего 34, он представитель того же поколения, что и Мережковский с Гиппиус, хотя фактически представляет вождя из прошлого века, Константина Победоносцева.

Участвуют почти все крупнейшие иерархи тогдашней РПЦ. Собрания производят интеллектуальную революцию: впервые культурная элита страны получает возможность дискутировать с представителями власти, хоть и не государственной, но церковной. Формально собрания не считаются публичными мероприятиями, то есть не требуют надзора полиции: участвовать в них могут обладатели членского билета. Но на самом деле учредители, то есть Мережковские и компания, раздают членские билеты всем желающим.

Представители либерального мейнстрима относятся к собраниям с некоторым осуждением, вспоминает Гиппиус, поскольку все, что связано с религией, кажется им отсталым и реакционным. Молодые эстеты и идеалисты из «Мира искусства» со своим отказом от политики их раздражают.

Плохой монах

Мережковский с единомышленниками – не единственные молодые просители, которые приходят к Победоносцеву. Еще летом 1898 года в кабинете «министра церкви» появляется отчаявшийся священник из Полтавы, который очень хочет поступить в Петербургскую Духовную академию – ту самую, которую возглавляет будущий патриарх епископ Сергий. У священника на руках неудовлетворительный аттестат, который ему выдали после окончания семинарии. С таким документом можно работать в глубинке, но не более того.

Проситель понимает, что без личного разрешения Победоносцева путь к дальнейшему образованию ему заказан. Он долго ждет «министра церкви» в пустом кабинете.

«Что вам угодно? – внезапно раздался сзади меня голос, – вспоминает священник. – Я оглянулся и увидел "великого инквизитора", подкравшегося ко мне через потайную дверь, замаскированную занавескою. Он был среднего роста, тощий, слегка сгорбленный и одет в черный сюртук.

– Кто ваш отец? Вы женаты? Есть у вас дети? – Вопросы сыпались на меня, причем голос его звучал резко и сухо. Я ответил, что у меня двое детей.

– А, – воскликнул он, – мне это не нравится; какой из вас будет монах, когда у вас дети? Плохой монах, я ничего не могу для вас сделать, – сказал он и быстро отошел от меня».

Молодой священник шокирован резкостью Победоносцева, но начинает кричать ему вслед: «Вы должны меня выслушать, это для меня вопрос жизни. Единственное, что мне теперь остается – это затеряться в науке, чтобы научиться помогать народу. Я не могу примириться с отказом».

В голосе просителя звучит такое отчаяние, что Победоносцев почему-то останавливается. Меняет гнев на милость и начинает подробно расспрашивать его:

– Напомните, как вас зовут?

– Георгий Гапон.

Победоносцев, конечно, уже слышал о Гапоне и навел справки перед его приходом. Гапон – пламенный толстовец, и именно в этом причина всех его проблем. И Победоносцев знает это.

Непригодный аттестат полтавской семинарии был у Гапона вовсе не потому, что он плохо учился, наоборот, он был лучшим учеником, просто слишком дерзким. Еще когда Гапону было 15 лет, один из его преподавателей в полтавском духовном училище, видный толстовец и даже друг графа, Иван Трегубов, дал ему почитать религиозные труды Толстого. Эти книги оказали мощное воздействие на юношу. «В первый раз мне стало ясно, что суть религии не во внешних формах, а в духе, не в обрядностях, а в любви к ближнему», – вспоминает Гапон. Он так увлеченно погрузился в толстовство, что передумал становиться священником. Когда его предупредили, что вот-вот лишат стипендии, он сам демонстративно от нее отказался и стал зарабатывать на жизнь частными уроками.

После окончания семинарии Гапон собрался жениться, и будущая жена убедила его, что можно быть священником и не изменяя своим принципам. «Доктор, – говорила она, – лечит тело, а священник укрепляет душу… в последнем люди нуждаются гораздо больше, чем в первом». В итоге Гапон соединил в себе и то и другое, став священником-толстовцем. Почти пять лет он служил в сельской кладбищенской церкви в Полтавской губернии и стал популярен настолько, что к нему приходила паства из соседних приходов. Но в 1898 году его жена умерла, и Гапон решил начать новую жизнь. Он оставил маленьких детей родителям и поехал в Петербург, к самому Победоносцеву, просить, чтобы его, в виде исключения, приняли в академию.

Все соприкосновения с церковным истеблишментом Гапона ужасают. В Троице-Сергиевой лавре, куда он заезжает по дороге в Петербург, он наталкивается на свиту москов-

ского митрополита, состоящую из «жирных монахов», которые обмениваются шутками во время церковной службы. «Их лицемерие в доме проповедника правды св. Сергия наполняло меня негодованием, и я ушел, не дождавшись конца всенощной и не преклонив колени перед мощами, так как считал богохульством сделать это на глазах этих фарисеев», – вспоминает Гапон.

В Петербурге, прежде чем попасть к Победоносцеву, Гапон идет к его заместителю Саблеру. «Мы знаем о вашем плохом поведении в семинарии, – такими словами встречает Гапона заместитель Победоносцева, – мы знаем, какие идеи вы в то время имели. Но епископ написал мне, что вы совершенно изменились с тех пор, как стали священником, и оставили все ваши глупые понятия. Да, да, мы вас примем, и мы надеемся, что вы будете думать только о том, как бы сделаться верным слугой церкви, и будете работать исключительно для нее». Гапон кивает. Он решает скрыть от церковных чиновников свои истинные взгляды. И его принимают в столичную академию.

Однако уже через год Гапон полностью разочаровывается в учебе. Его мечта никак не реализуется: он ходит на встречи священников с рабочими столичных окраин и видит, что проповеди, как правило, ограничиваются рассказами о Страшном суде. Он выдвигает свои идеи, но церковное начальство против. У него начинается депрессия, а еще врачи подозревают туберкулез, и Гапон едет лечиться в Крым. Но селится не в глуши, а в монастыре около Ялты, одного из самых роскошных городов империи. На тот момент Ялта – это центр российской светской жизни; в Ливадийском дворце находится летняя резиденция императора, и весь двор на лето приезжает отдыхать сюда. «Рядом с роскошными домами, в которых царили богатство и величие, в городе были тысячи несчастных существ – голодных, холодных и бесприютных. И действительно, город поражает человека впечатлительного контрастом между роскошными дворцами центра и ужасными лачугами предместий» – так пишет Гапон. При этом сам он интересуется дворцами не меньше, чем лачугами, завязывая знакомства и с бедняками, и с отдыхающей богемой. Ближе всего он сходится с Василием Верещагиным, на тот момент самым известным в мире русским художником.

Верещагин в зените своей славы, и, в отличие от большинства своих коллег, он очень политизирован. Столетие спустя он наверняка стал бы фоторепортером – основной специализацией Верещагина были путешествия в горячие точки. Он ездит по местам боевых действий и запечатлевает увиденное на холстах. Его антивоенные картины выставляются по всему миру. При этом на родине его обвиняют в отсутствии патриотизма и сочувствии к врагу.

Когда Верещагину было 32 и он открыл свою первую выставку в Петербурге, будущий император Александр III сказал о нем так: «Его тенденциозность противна национальному самолюбию, и можно по ней заключить одно: или Верещагин скотина, или совершенно помешанный человек». Летом 1899-го Верещагину уже 57, и он относится к Гапону по-отечески.

«Я ясно вижу, что и вы пережили какую-то драму, и хочу вам сказать, что я об этом думаю. Сбросьте рясу! – убеждает художник священника во время одной из совместных прогулок. – Не надо ее! В свете так много работы, требующей затраты всей нашей энергии». К совету звезды Гапон не прислушивается, рясу не сбрасывает и, отдохнув, в октябре 1899 года возвращается в Петербург. Верещагин отправляется путешествовать: сначала на Филиппины, потом в США и на Кубу, через четыре года – в Японию.

Приготовление к переходу

В августе 1901 года, через полгода после отлучения, Толстой начинает серьезно болеть. Семья вновь боится, что зимы он уже не переживет. Его решено отправить в Крым – в надежде, что тамошний климат поможет писателю поправиться.

Графиня Панина, поклонница творчества Толстого, сдает ему свою дачу в Гаспре, которая с одной стороны граничит с крымским поместьем самых богатых людей в России, князей Юсуповых, а с другой – с Ай-Тодором, имением друга детства императора, великого князя Александра (родственники зовут его Сандро). Чуть поодаль – Ливадия, летняя резиденция императора. Отлученный от церкви изгой едет с семьей отдыхать на самый элитарный курорт империи.

Толстой едет на поезде. По дороге, когда поезд останавливается в Харькове, на вокзале ему устраивают овацию. Вообще, аплодисменты в честь Толстого – традиция этого года. На «отлучение» Толстого от церкви столичная публика реагирует тем, что его поклонники собираются в картинной галерее перед его портретом работы Ильи Репина – и устраивают шумную овацию. Сразу после этого портрет снимают, а выставку закрывают.

О переезде Толстого в Крым пишет короткую заметку «Петербургская газета» – министр внутренних дел Дмитрий Сипягин запрещает розничную продажу этого номера. Издатель Алексей Суворин пишет в дневнике, что министр обиделся на Толстого за то, что тот упомянул его в «Письме царю и его помощникам». «Сипягин зол на характеристику, сделанную Толстым, и преследует газеты, которые смеют говорить о нем. Глупый министр», – пишет в личном дневнике Суворин, крайне лояльный к власти издатель популярнейшей газеты «Новое время».

Молодому писателю Максиму Горькому не так везет, как графу Толстому. Еще в апреле его судят за статью о «Казанской битве» – и приговаривают к ссылке в уездный город Нижегородской губернии (то есть недалеко от родного дома, но подальше от больших скоплений народа). Горький пишет апелляцию с просьбой разрешить ему отбыть ссылку в Крыму, поскольку у него туберкулез. И ему разрешают, но с оговоркой, что нельзя жить в Ялте, на виду у столичной элиты. Именно в Ялте в это время живет Антон Чехов, а в Гаспре селится Толстой. Горький выбирает себе домик под Алупкой, по соседству с Толстым и неподалеку от летних резиденций великих князей.

В Крыму здоровье Толстого продолжает ухудшаться. Ему ставят диагноз «малярия» – смертельно опасное на тот момент заболевание. Толстому уже 73 года. Он уверен, что вот-вот умрет, и называет свое состояние «приготовлением к переходу»: не встает, страдает от лихорадки. Проститься с великим писателем съезжаются все, кто только осмеливается.

12 сентября к Толстому приезжает Антон Чехов. Потом по-соседски заезжает и великий князь Николай Михайлович, двоюродный дядя царя, которому, как и Чехову, всего 42 года. У него, историка и писателя, репутация самого просвещенного члена царской семьи. Толстой все время недоумевает, чего от него хочет царский родственник. Потом, когда Толстому становится лучше, Чехов привозит с собой Максима Горького. Толстого навещает еще один классик, 48-летний Владимир Короленко, главный российский репортер.

Толстой старше Чехова на 32 года, а Горького – и вовсе на 40. Он считает их лучшими молодыми писателями России, относится к ним тепло и покровительственно. «Рад, что и Горький, и Чехов мне приятны, особенно первый», – записывает Толстой после их визита 29 ноября.

Насчет «перехода» Толстой ошибается: болезнь отступает. Три великих русских писателя проводят зиму 1901–1902 года вместе. Горький в этот момент пишет «На дне», пьесу, которая принесет ему мировую славу. Чехов уже придумал свою последнюю пьесу «Вишневый сад» и начинает работу над ней (она продлится три года). Толстой медленно дописывает «Хаджи-Мурата».

Два писателя, две актрисы

Чехов и Горький оба больны туберкулезом, поэтому уже несколько лет подряд они стараются проводить в Крыму как можно больше времени. Здесь же Чехов переживает театральные провалы своих пьес: «Чайка», поставленная в Петербурге в 1896 году, была освистана публикой – драматург уехал в Крым и даже думать не хотел о новой постановке.

Впрочем, два года спустя приятель Чехова режиссер Владимир Немирович уговаривает его согласиться на постановку пьесы в Москве. Писатель хорошо знает новый театр, который затевают Немирович и его партнер Константин Алексеев (выступающий на сцене под псевдонимом Станиславский), и соглашается. К тому же Чехову очень нравится 30-летняя артистка Ольга Книппер, которая должна играть главную роль в новой постановке. «Я бы женился на ней, если бы жил в Москве», – как бы шутит Чехов.

Постановка «Чайки» в Художественном театре становится триумфом, а Ольга Книппер – главной звездой театральной Москвы. В 1900 году театр специально приезжает на гастроли в Крым, чтобы показать спектакль не выезжающему отсюда Чехову. Писатель очень доволен «Чайкой», они с Горьким ходят и на остальные спектакли. После постановки «Гедды Габлер» Ибсена Чехов и Горький идут за кулисы, чтобы познакомиться с исполнительницей главной роли Марией Андреевой.

«Черт знает! Черт знает, как вы великолепно играете», – очень смущается при виде актрисы молодой, но уже очень модный писатель Горький и со всей силы трясет ее руку. «А я смотрю на него с глубоким волнением, ужасно обрадованная, что ему понравилось, и странно мне, что он чертыхается, странен его костюм, высокие сапоги, разлетайка, длинные прямые волосы, странно, что у него грубые черты лица, рыжеватые усы. Не таким я его себе представляла, – вспоминает Андреева. – И вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза, губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого, и радостно екнуло сердце. Нет! Он именно такой, как надо, чтобы он был, – слава богу!»

После этого знакомства они начинают чаще встречаться. В следующий раз Горький приходит к Андреевой со своим другом, 27-летним оперным певцом Федором Шаляпиным – они собирают деньги на духоборов, чтобы помочь Толстому отправить преследуемую секту в Канаду.

Чехов, в свою очередь, все чаще встречается с Ольгой Книппер. В 1901 году они женятся – и проводят медовый месяц в туберкулезном санатории в Башкирии. Впрочем, вскоре супруги разъезжаются: он большую часть времени проводит в Ялте, она – в Москве, работая в театре.

Толстой к молодежи относится тепло, снисходительно, но критически. Про «Чайку», например, говорит: «Нагорожено чего-то, а для чего оно, неизвестно. А Европа кричит "превосходно". Чехов самый талантливый из всех, но "Чайка" очень плоха». Когда Горький читает ему первые сцены из пьесы «На дне», тот слушает внимательно, а потом спрашивает: «Зачем вы пишете это?»

Чехов и Горький буквально трепещут перед Толстым. Чехов всегда подолгу и очень тщательно подбирает одежду, когда едет к своему кумиру. «Вы только подумайте, – говорит он Горькому, – ведь это он написал: "Анна чувствовала, что ее глаза светятся в темноте"».

Атеист Горький почти обожествляет Толстого: «Он похож на бога, не на Саваофа или олимпийца, а на этакого русского бога, который "сидит на кленовом престоле под золотой липой. И хотя не очень величествен, но, может быть, хитрей всех других богов. Я, не верующий в Бога, смотрю на него почему-то очень осторожно, немножко боязливо, смотрю и думаю: "Этот человек – богоподобен!"»

Горькому кажется, что по воле Толстого могут расступаться волны в море. А еще он вспоминает, как однажды Толстой едет по дороге в Гаспру и обнаруживает, что дорога перекрыта: прямо посреди нее стоят трое великих князей, дяди императора: Сандро, Георгий и Петр. Толстой «уставился на Романовых строгим, требующим взглядом», рассказывает Горький, Романовы отворачиваются, но конь одного из них, помявшись на месте, отходит немного в сторону, пропуская Толстого. «Узнали, дураки, – говорит граф. – Лошадь поняла, что надо уступить дорогу Толстому».

«Левочка умирает»

В январе 1902 года, после долгой прогулки в холодный ветреный день, Толстой простужается. У него начинается воспаление легких. Толстой торопится писать, но здоровье не позволяет.

26 января Софья Андреевна пишет в дневнике: «Мой Левочка умирает». 27 января газеты пишут об «опасной, кажется, безнадежной болезни» Толстого. Находящийся в Петербурге Суворин отмечает в дневнике, что все кругом говорят только о здоровье Толстого. Он отправляет телеграмму Чехову: как здоровье Льва Николаевича? Тот отвечает: «Воспаление легких, положение опасное, но есть надежда». И только после этого знакомый объясняет Суворину, что ему случайно повезло получить весточку из Крыма: вся корреспонденция с упоминанием Толстого изымается, о нем, по приказу МВД, нельзя писать не только в газетах, но и в письмах и телеграммах.

Кроме того, вспоминает Суворин, выпущено несколько приказов на случай смерти Толстого: некрологи и статьи о его творчестве печатать можно, но упоминать его отлучение от церкви запрещено. Также министерство требует, «чтобы во всех известиях и статьях о гр. Толстом была соблюдаема необходимая объективность и осторожность». Родственники в панике. Рукописи и письма на случай обыска после смерти Толстого собраны в чемодан и переданы на хранение Горькому. Начинаются переговоры о приобретении земли в Крыму для погребения Толстого без ведома властей.

У умирающего Толстого свой замысел – написать «политическое завещание», письмо императору Николаю II. Он вспоминает про навещавшего его великого князя Николая Михайловича и отправляет ему телеграмму с вопросом: готов ли выступить посредником между Толстым и Николаем II? Князь сразу соглашается. Буквально из последних сил Толстой заканчивает письмо императору. Это уже не политическое послание, скорее поучение старца молодому человеку, послание из прошлого века нынешнему.

«Любезный брат! – пишет граф. – Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку – брату. Кроме того еще и потому, что пишу вам как бы с того света, находясь в ожидании близкой смерти… Вас, вероятно, приводит в заблуждение о любви народа к самодержавию и его представителю – царю, то, что везде при встречах вас в Москве и других городах толпы народа с криками "ура" бегут за вами. Не верьте тому, чтобы это было выражением преданности вам, – это толпа любопытных, которая побежит точно так же за всяким непривычным зрелищем. Часто же эти люди, которых вы принимаете за выразителей народной любви к вам, суть не что иное, как полицией собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный вам народ, как это, например, было с вашим дедом в Харькове, когда собор был полон народа, но весь народ состоял из переодетых городовых. Если бы вы могли, так же как я, походить во время царского проезда по линии крестьян, расставленных позади войск, вдоль всей железной дороги, и послушать, что говорят эти крестьяне: старосты, сотские, десятские, сгоняемые с соседних деревень и на холоду и в слякоти без вознаграждения с своим хлебом по нескольку дней дожидающиеся проезда, вы бы услыхали от самых настоящих представителей народа, простых крестьян, сплошь по всей линии речи, совершенно несогласные с любовью к самодержавию и его представителю».

Впрочем, ясно, что быть услышанным у Толстого нет никакой возможности – воспитанный Победоносцевым император свято верит в самодержавие.

«Самодержавие есть форма правления отжившая, – пишет Толстой, – могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру

просвещением. И потому поддерживать эту форму правления и связанное с нею православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел».

Дальше он переходит к теме ликвидации частной собственности на землю. «В наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет тому назад. Думаю, что уничтожение ее поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства. Думаю тоже, что эта мера, несомненно, уничтожит все то социалистическое и революционное раздражение».

31 января 1902 года Суворин узнает, что министр внутренних дел запретил выставлять портреты Толстого. «Совсем не надо 50 лет, чтоб Толстой дождался памятника, а Сипягин позорного клейма на свой идиотский лоб, – возмущается в своем дневнике Суворин. – Неужели этот господин с кем-нибудь советуется и ему поддакивают в его глупых распоряжениях?»

Следом идут другие указания: как быть с вероятными похоронами Толстого. Процессии и шествия запретить, поместить гроб в грузовой вагон, затянутый черным сукном и перевезти в Ясную Поляну.

Но Толстой вновь выздоравливает. Смерть отступает – но никакого ответа от царя Толстой так никогда и не получит.

Глава 2
В которой Сергей Витте не может удержать Россию от вторжения в Китай и захвата Пекина

«Русь» или рубль

Зима 1895 года, утро, Петербург. Министру финансов Сергею Витте приносят свежеотчеканенные золотые монеты. Он разглядывает их и очень доволен. Витте сам придумал название для новой российской валюты – «русь».

В России к этому моменту одновременно ходят золотые рубли и ассигнации, то есть бумажные деньги. Ассигнации не обеспечены золотом, потому что бюджет не сбалансирован и требует больше денег, чем есть в казне. За импортные товары приходится платить золотом, а вот на внутреннем рынке расчеты производятся в ассигнациях. Поэтому золотой рубль стоит 4 франка, а бумажный – в полтора раза дешевле. Россия быстро развивается, но ее рост сдерживают дорогие кредиты. Внутренних денег не хватает, а приток капитала из стран с дешевым кредитом (Франции, Британии, Бельгии) сдерживает неконвертируемость и неустойчивость бумажного рубля. Франция, главный партнер и союзник России, предлагает присоединиться к биметаллической системе (к валютному союзу стран, использующих золото и серебро). Но Витте хочет взять пример с Британии, США и Германии, использующих золотой стандарт. Он девальвирует рубль, уравнивая бумажный и золотой, «чтобы жизнь была подешевле». Реформа выгодна и промышленникам, которые покупают станки за границей, и государству, которое выплачивает проценты по кредитам.

Полюбовавшись новыми монетами, он думает о том, что противодействие реформе будет очень серьезным. У него нет сторонников среди чиновников – все члены Государственного совета по разным причинам критикуют план Витте. Против все землевладельцы, продающие сельхозтовары за границу, – им текущий курс выгоден. Не понравится его идея и важнейшим внешним партнерам и кредиторам России – французам.

Витте едет в Париж, чтобы обсудить свои планы с французскими министрами и с Альфонсом Ротшильдом, главой финансовой империи. Ротшильд настроен в отношении планов Витте критически. Он считает переход на золото ошибочным и советует Витте обеспечить новую валюту серебром. Но Витте не доверяет серебру, уверен, что оно скоро обесценится и перестанет считаться благородным металлом. Французский премьер-министр Жюль Мелин тоже против, он даже пишет письмо русскому царю, чтобы тот переубедил Витте, но министр финансов твердо стоит на своем.

«Против этой реформы была почти вся мыслящая Россия, – вспоминает Витте. – Во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке, и в-третьих, по личному, хотя и мнимому интересу некоторых классов населения. Таким образом, мне приходилось идти против общего течения в России, как бы желавшего не нарушать то положение, которое существовало».

Когда Витте понимает, что придуманная им реформа может просто не состояться, он решает поступиться малым и отказаться от названия «русь». Пусть будет рубль, как и раньше, тогда все пройдет максимально незаметно для населения: решено девальвировать рубль, но оставить название прежним.

Одного императора убедить проще, чем целый Государственный совет, и Витте идет на хитрость: просит Николая II лично утвердить денежную реформу. Николай делает это: авторитет Витте в экономических вопросах очень велик, ведь он – любимый министр Александра III,

доставшийся новому императору по наследству. К тому же Витте очень уважает Мария Федоровна, мать Николая II. 15 января 1897 года император подписывает указ о чеканке нового золотого рубля. «В сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это – доверие Императора», – вспоминает Витте.

Сам Витте в начале правления Николая II тоже обладает некоторым влиянием. Во второй половине XIX века Россия тесно связала себя с мировыми финансовыми рынками, поэтому вес министра, добывающего для страны деньги, существенно вырос. Один из его коллег говорит: «Витте нас всех презирает, потому что знает, что всякого из нас может купить».

Предшественники Витте много занимали за рубежом. После унизительного поражения в Крымской войне российские власти осознали, что империя отстает от европейских соседей и ей срочно нужны деньги для модернизации экономики. Финансировать модернизацию России согласились сначала немецкие, а потом французские банкиры. Император Александр III немцев не любил, зато очень симпатизировал французам. Встречая французскую эскадру в Кронштадте в 1891 году, он с непокрытой головой слушал революционный гимн «Марсельезу», за исполнение которого в России вообще-то сажали. Деньги совершили чудо.

Именно Александр III назначил Витте министром финансов. И тот оказался еще большим прагматиком, чем его предшественники. В будущем многие (в том числе Николай II) станут называть Витте хамелеоном. Впрочем, политические взгляды Сергея Витте действительно сильно изменились за 30 лет политической карьеры.

Хамелеон

Убийство Александра II стало для молодого провинциала Сергея Витте переломной точкой. В марте 1881 года Витте еще не перешел на госслужбу, он работает одним из руководителей частной корпорации, управляющей железными дорогами на юго-западе империи (территория современной Украины). Но смерть императора все меняет: молодой карьерист Витте едет в Петербург, горя идеей создать тайное общество, которое будет защищать монархию и уничтожать противников режима. Витте не единственный, кто хочет бороться с нигилистами их методами: так возникает «Святая дружина», секретная организация самых верных слуг царя, поставившая своей целью уничтожать противников режима.

Александр III знает о существовании организации и выделяет на нее немалые деньги из бюджета. «Святая дружина» существует всего два года и никаких результатов не приносит, кроме того, что ее активисты попадаются на глаза царю. Самую блистательную карьеру из всех дружинников делает железнодорожник Витте.

В 1889 году он переходит в минфин, а в 1892 году становится министром путей сообщения. Именно Витте начинает строить Транссиб – и в ту пору он имеет репутацию упорного почвенника и славянофила. Люди из консервативного окружения Александра III, которые лоббируют назначение Витте, надеются, что он тоже будет приверженцем консервативной политики. Однако, очутившись в кресле министра финансов, Витте начинает брать на Западе даже больше, чем его предшественники, и вкладывать эти деньги в промышленную модернизацию. Он открывает страну для иностранного капитала.

Российская экономика начинает активно развиваться, денег много, и Витте придумывает создать нечто вроде стабфонда – отложить часть доходов на черный день, например на случай войны.

«Вопрос о том, что я держал значительную свободную наличность, служил предметом постоянной критики, – вспоминает Витте. – Многие, в особенности газеты, находили, что это неправильная система и что лучше эту свободную наличность употреблять на производительные цели; говорили, что нигде такой системы накопления наличности не существует, причем ссылались, обыкновенно, на страны с вполне благоустроенными финансами – на Францию, Англию и даже Германию. Я эти мнения никогда не разделял и нахожу, конечно, и теперь, что Российская Империя имеет такие особенности, что держать свободную наличность в несколько сот миллионов рублей[8] не только всегда полезно, но часто и необходимо».

Еще одна реформа, придуманная министром финансов, – введение госмонополии на торговлю водкой. И у этой реформы тоже очень мало сторонников. Водочное лобби пытается сопротивляться, предупреждая, например, брата царя, великого князя Владимира, что в столице могут произойти волнения. Но Витте убеждает великого князя и царя, что волнений не будет. «В России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются», – вспоминает Витте и, действительно, оказывается прав – никаких волнений в столице нет. Но в Москве введение госмонополии удается отсрочить. По словам издателя Суворина, брат императора, великий князь Сергей, берет у столичных торговцев взятку в два миллиона рублей[9], чтобы оттянуть введение питейной монополии. И Витте, и император знают об этом, уверен Суворин.

Начинавший политическую карьеру в «Святой дружине» Сергей Витте со временем становится более либеральным. Но не во всем. Например, хорошо осведомленный в правительственных делах Суворин утверждает, что именно Витте был одним из вдохновителей репрес-

[8] Примерно равно нескольким сотням миллиардов рублей (на 2017 год).

[9] Примерно равно 1 582 000 000 рублей (на 2017 год).

сий против студентов 1899–1901 годов: будто бы даже старик Победоносцев возражал против таких жестких мер: «Нет, Сергей Юльевич, так нельзя».

В своих воспоминаниях Витте выставляет себя главным либералом страны. Впрочем, он и правда им станет, но позже – в 1905 году ему придется написать первую российскую конституцию. Но пока он просто опытный бюрократ, который колеблется вместе с пожеланиями императора.

Золотая молодежь

Благодаря экономическому подъему, во второй половине XIX века разрастается купеческое сословие, которое в России играет роль буржуазии. Новый русский средний класс – это недавние крестьяне, которые занялись торговлей и разбогатели. Впрочем, по переписи населения 1897 года, купцы – это всего 0,5 % населения, даже дворян в России больше – 1,5 %. Как правило, самые мощные купеческие династии – московские, и принадлежат они к старообрядческим кланам.

Купеческие династии появились в России лишь в начале XIX века. Основателем династии Морозовых был Савва Морозов, крепостной крестьянин, который разбогател и смог себя выкупить. Он заработал огромное состояние на производстве тканей – этому обстоятельству способствовали союз России с наполеоновской Францией и участие в континентальной блокаде Англии. Из-за блокады в России исчезло дешевое английское сукно, и импортозамещение быстро обогатило отечественных производителей. (Савва Морозов-старший купил английские ткацкие станки и начал хлопчатобумажное производство, которое позже превратилось в текстильную империю.)

В купеческой среде царит гораздо более суровая атмосфера, чем в любой самой патриархальной дворянской семье. Староверы консервативны и в быту, и в экономической политике: они за протекционизм и поддержку отечественного производителя, против проникновения западного капитала. Иностранные банкиры – их прямые конкуренты. Воспоминания о том, как старые купцы отстаивали традиционные ценности, наводят ужас.

Жена Саввы Морозова-старшего, родившая сына Тимофея в 45 лет, молилась, чтобы он скорее умер и избавил ее от такого позора (перестала просить Бога об этом, только когда сыну исполнилось 20). Внук основателя династии, сын Тимофея, которого тоже звали Савва Морозов, навсегда поссорился с родителями, когда решил жениться на разведенной женщине. Отец его возлюбленной Зинаиды, тоже богатый старообрядец Зимин, работавший на одной из фабрик, принадлежащих династии Морозовых, узнав, что она разводится с первым мужем, чтобы выйти за Савву Морозова, сказал единственной дочери: «Лучше б ты умерла, чем такой срам». Тот факт, что дочь перестала поститься, казался ему едва ли не признаком помешательства: «Вы, сударыня, скоро пойдете вверх ногами», – вспоминает Зинаида слова отца. Родители нового мужа, Саввы Морозова, впрочем, отнеслись к невестке-разведенке довольно толерантно по тем временам. Свекор лишь укорял ее за то, что она ходит с непокрытой головой («А вам, душечка, очень идет платочек»), а свекровь была «крайне нелюбезна» только первые 20 лет совместной жизни.

Словом, в XIX веке нравы и моральные принципы купцов оставались гораздо ближе к крестьянским, чем к дворянским. «У купечества почти у всех не было близости с детьми, – вспоминает Зинаида Морозова. – Я думаю, оттого, что в крестьянстве этой близости не было, а требовали только уважения к родителям… страха перед Богом и перед родителями».

Ситуация меняется на рубеже веков: появляется новое поколение купцов. На смену пионерам российского бизнеса, которые стали миллиардерами во время реформ Александра II, приходит новое поколение, «золотая молодежь», совершенно не похожая на детей полуграмотных «торгующих крестьян». Они хорошо образованны, бывают на Западе и совсем иначе видят свое положение в мире.

Наследник империи текстильных магнатов Морозовых, Савва Морозов, учится в Кембридже. Третий сын торговца водкой и «короля госзаказов», строителя железных дорог Ивана Мамонтова, тоже Савва, так увлекается театром, что едет в Милан учиться пению и даже выступает на сцене Ла Скала. Дети суровых старообрядцев открывают и для себя, и для всей Европы импрессионистов, делают это направление дорогим и модным. Первыми в мире коллекциони-

ровать современную французскую живопись начинают Сергей Щукин, сын фабриканта Ивана Щукина, и двоюродные братья Саввы Морозова Иван и Михаил. Тем временем наследник «бумажной империи» Третьяковых Павел Третьяков и производитель шелка Козьма Солдатенков (по прозвищу Козьма Медичи) собирают огромные коллекции русской живописи.

Дальше всех в своем увлечении искусством заходит сын купца Сергея Алексеева, близкого родственника Мамонтовых и Третьяковых, Константин. Он решает совсем не заниматься семейным бизнесом (может себе позволить – у него девять братьев), а посвятить свою жизнь театру. Алексеев становится актером и режиссером – и берет себе псевдоним Станиславский.

Зинаида Морозова вспоминает, что к началу XX века именно купечество становится высшим светом в Москве: «Дворянство уже начало понемногу сходить со сцены. Купечество начало интересоваться искусством. Филармония почти вся состояла из членов купечества. Дамы купеческие были красивы, хорошо одевались, ездили за границу, детей учили языкам, давали балы».

Такая радикальная перемена в образе жизни, отмечает Зинаида Морозова, оказывает сильное воздействие на психику золотой молодежи, внуков основателей купеческих династий. «Культура была не постепенной, а слишком быстрой. Деды не умели читать и писать, вышли из крепостничества, были "самородки", создали большие фабрики, детям взяли гувернеров, отдали детей учиться, и мозг не мог с этой нагрузкой справиться».

Психологический диссонанс между внешней свободой и семейным патриархальным укладом, который переживают представители «третьего поколения», наверное, можно сравнить с состоянием современной молодежи, скажем, в Саудовской Аравии, где молодым людям надо как-то сочетать вынужденное уважение к традициям собственной страны и очарованность западной поп-культурой. «В некоторых семьях оставалась еще дикость, но притом было еще и быстрое вырождение, которое выражалось в большой нервности, – констатирует Зинаида Морозова, – старики верили в Бога, у них был нравственный устав (конечно, не у всех), а молодые все отвергли, а нового себе ничего не нашли».

Конфликт поколений в купечестве ярко выражается, например, в отношениях между Саввой Морозовым и его родителями. Отец, Тимофей Морозов, сын основателя семейной корпорации, Саввы-старшего, – крайне жесткий управленец, его рабочие трудятся в нечеловеческих условиях, их постоянно штрафуют и унижают. Все заканчивается бунтом рабочих и затем судебным процессом, который Тимофей Морозов проигрывает. Это подрывает его здоровье, и он уступает управление производством сыну. Савва, в противоположность отцу, проявляет максимальную лояльность к трудовому коллективу: сокращает рабочий день до девяти часов, строит дома для сотрудников, организует корпоративные культурные мероприятия, на которые приглашает популярных певцов, даже Шаляпина. Родители новшества сына осуждают, хотя его инвестиции и окупают себя – прибыль растет. Тем не менее за пару лет до смерти Тимофей Морозов вообще хочет продать фабрику, но жена не дает этого сделать, – и тогда он переписывает компанию на нее. Сын выполняет обязанности управляющего на семейных фабриках.

Московские олигархи и питерские либералы

Золотая купеческая молодежь, в отличие от своих родителей, вовсе не считает, что всем обязана власти. Эти молодые люди спорят с чиновниками, отстаивают свои интересы и становятся головной болью для министра финансов Витте. Отношения между «питерскими либералами» из правительства во главе с Витте и московскими «олигархами» становятся все напряженнее.

В 1896 году в Нижнем Новгороде проходит съезд промышленников, на котором обсуждаются таможенные пошлины. Участвует и 68-летний Дмитрий Менделеев (знаменитый химик и автор закона о таможенных тарифах), который, желая поставить всех противников на место, заявляет, что спорить с ним бесполезно, так как с ним согласен император. Зал смущенно замолкает. Но вдруг один из молодых участников говорит: «Выводы ученого, подкрепляемые мнением царя, не только теряют свою убедительность, но и компрометируют науку».

Сидящий в зале 28-летний нижегородский журналист и писатель Максим Горький изумленно спрашивает соседей: кто этот наглый человек? Ему объясняют, что это наследник текстильной империи Савва Морозов. Морозову 34 года, он вдвое младше Менделеева.

Спустя буквально пару дней Морозов становится инициатором еще одного скандала – на Нижегородской ярмарке. Это главное событие в деловом мире России, в форуме участвуют все заметные бизнесмены страны, а также представители правительства. Незадолго до ярмарки становится известно, что министр финансов Витте отказал комитету промышленников в продлении сроков кредитов госбанка. Сначала Морозов произносит вызывающую речь: «Теперь государство надо строить на железных балках… Наше соломенное царство не живуче… Когда чиновники говорят о положении фабрично-заводского дела, о положении рабочих, вы все знаете, что это – "положение во гроб…"» – так вспоминает его выступление Горький. Потом Морозов вызывается написать ответную – куда более резкую – телеграмму Витте с требованием кредита. Остальные бизнесмены, хоть и считают текст вызывающим, одобряют его. На другой день Витте удовлетворяет их просьбу.

Опера, драма, трагедия

Константин Станиславский вспоминает, что, когда он был совсем молодым, в Москве было два популярных домашних театра: один – алексеевский (то есть принадлежавший его семье), второй – мамонтовский, в котором главным режиссером был сам миллиардер Савва Мамонтов. Именно в мамонтовском театре под псевдонимом Станиславский вышел на сцену сам начинающий 17-летний актер Костя Алексеев.

«У Мамонтова была удивительная способность работать на народе и делать несколько дел одновременно, – вспоминает Станиславский. – И теперь он руководил всей работой и в то же время писал пьесу, шутил с молодежью, диктовал деловые бумаги и телеграммы по своим сложным железнодорожным делам, которых он был инициатор и руководитель. В результате двухнедельной работы получался своеобразный спектакль, который восхищал и злил в одно и то же время. С одной стороны – чудесные декорации кисти лучших художников [например, Виктора Васнецова], отличный режиссерский замысел создавали новую эру в театральном искусстве и заставляли прислушиваться к себе лучшие театры Москвы. С другой стороны – на этом превосходном фоне показывались любители, не успевшие не только срепетировать, но даже выучить свои роли».

По словам Станиславского, Мамонтову все время не хватает терпения: он сначала увлекается, потом теряет интерес к делу, не успевая довести его до совершенства. «Странно, что сам Мамонтов – такой чуткий артист и художник – находил какую-то прелесть в самой небрежности и поспешности своей театральной работы. На этой почве мы постоянно спорили и ссорились с ним, на этой почве создалась известная конкуренция и антагонизм между его спектаклями и нашими», – пишет Станиславский.

Однако, увлекшись итальянской оперой, «железнодорожник» Мамонтов решает создать собственный частный оперный театр, то есть покуситься на государственную монополию: до этой поры вся опера в стране принадлежит государству.

Это звездный час Мамонтова. Оформлять декорации для нового театра он приглашает своих друзей-художников: Валентина Серова, Михаила Врубеля и Константина Коровина. Поют у него в основном итальянцы. Исключение составляет оперная дива Татьяна Любатович (с которой у него роман), а также 23-летний Федор Шаляпин, с которым Мамонтов знакомится в 1896 году и сразу приглашает к себе.

«Феденька, вы можете делать в этом театре всё, что хотите! Если вам нужны костюмы, скажите, и будут костюмы. Если нужно поставить новую оперу, поставим оперу!» – так вспоминает слова хозяина театра Шаляпин.

В 1897 году вторым дирижером Мамонтов приглашает в свой театр 25-летнего Сергея Рахманинова. «Мамонтов был большой человек и оказал большое влияние на русское оперное искусство, – вспоминает Рахманинов. – В некотором отношении влияние Мамонтова на оперу было подобно влиянию Станиславского на драму. Мамонтов был рождён режиссёром. Много раз я слышал, как Мамонтов давал советы даже Шаляпину. Советы эти обычно бывали очень краткими: вскользь брошенное замечание, общая мысль, короткая фраза. Шаляпин сразу схватывал».

Одновременно «своими» театрами обзаводятся наследники других богатых купеческих семей. В 1898 году 35-летний Константин Алексеев-Станиславский знакомится с 39-летним драматургом Владимиром Немировичем – и они придумывают создать частный драматический театр, свободный от напыщенности и наигранности, с актуальным современным репертуаром. На премьеру первого спектакля «Царь Федор Иоаннович» приходит 36-летний наследник текстильной империи Савва Морозов. Морозову так нравится спектакль, что он выкупает

практически все акции театра у прочих инвесторов (акционерами остаются только Морозов, Станиславский и Немирович), начинает финансировать его, строит для театра новое здание.

Московский художественный общедоступный театр (будущий МХТ) – так называют свое детище Станиславский и Немирович. Они ставят современную драму: Чехова, Толстого, Ибсена. С Толстым больше всего проблем – каждую его пьесу приходится пробивать у цензуры.

Впрочем, для Морозова театр – это отдых. Он так вымотан работой во время Нижегородской ярмарки, в частности борьбой с разгоревшейся эпидемией холеры, что теряет всякое желание заниматься бизнесом. Сначала, по словам жены, он лежит в своем кабинете и говорит: «Я устал и работать не могу». А потом увлекается театром – и уже занимается только им.

Зинаида Морозова недовольна. «Пойми, Савва, я признаю Художественный театр как отдых для тебя, но чтобы ты для него бросил фабрику и народ, который тебя ценит и любит, для которого ты много можешь сделать, я с этим не могу примириться, – говорит Зинаида мужу. – Ты столько можешь сделать на фабрике добра и пользы и остывать к ней ты не имеешь права». Он отвечает: «Я делаю то, что чувствую». Зинаида, по ее словам, настаивает, что «у людей кроме чувства, есть долг». Но Савва заканчивает разговор фразой: «Я устал».

Только в театре он не устает, сам следит за строительством, помогает ставить декорации, занимается освещением и даже разводит краски для того, чтобы добиться «правильного лунного света» во время спектакля. Наконец, увлеченный Савва Морозов влюбляется в восходящую звезду МХТ – актрису Марию Андрееву.

Роман с госзаказом

Общественная деятельность и благотворительность приносят Морозову и Мамонтову славу не только в Москве, но и в Петербурге. Молодые купцы сближаются с Витте, и каждый старается использовать знакомство с министром с пользой для себя: Морозов добивается разрешения цензурного комитета на постановку запрещенных пьес, а Мамонтов получает для своей компании новые госзаказы на строительство железных дорог. В том числе выигрывает конкурс на продление построенной его отцом Ярославской железной дороги до Архангельска. За этот проект Витте очень благодарен Мамонтову – и даже договаривается о присвоении ему ордена Святого Владимира четвертой степени.

В 1899 году Мамонтов решает создать лучшую в стране газету, бросая вызов «нерукопожатному» Алексею Суворину, владельцу самой популярной газеты страны «Новое время». Он переманивает у Суворина лучшего журналиста, Александра Амфитеатрова, пригласив его редактором. Новая газета называется «Россия».

Впрочем, бизнес у Мамонтова, несмотря на связи с Витте, идет не слишком удачно, возможно, потому, что слишком много денег и внимания он отдает театру, а не компании. Железная дорога до Архангельска хоть и важна для развития Севера, но прибыли не приносит. Тем временем Мамонтов задумывает мощную корпорацию, которая включала бы не только железные дороги, но также вагоностроительный и судостроительный заводы и металлургический комбинат.

На модернизацию предприятий нужны деньги, и Мамонтов изымает их со счетов одних своих предприятий, прогоняя через другие. Чтобы поддержать компании на плаву, Мамонтов (или, вероятнее, его помощники) используют серые схемы.

«Путем разных комбинаций, в которых главную роль играли фиктивные сделки, фиктивные счета и такие же записи в книгах, они умудрялись перебрасывать деньги из кассы дороги в кассу заводов и обратно и создавать на бумаге декорум их кредитоспособности» – так описывает ситуацию тогдашний прокурор Москвы Алексей Лопухин.

Вскоре близость к Витте помогает Мамонтову найти выход еще лучше. Его компания «Общество Московско-Ярославской дороги» выигрывает концессию на строительство железной дороги Петербург – Вологда – Вятка. Результаты конкурса утверждены Госсоветом, Мамонтов уверен, что высокая доходность новой дороги компенсирует его убытки от архангельского проекта. Однако поскольку денег на строительство у него нет, он берет кредит под залог еще не построенной дороги.

Внезапно в 1899 году меняется экономическая конъюнктура[10]. В Америке разоряются несколько железнодорожных компаний, в Европе начинается биржевой кризис. «Банки затрещали. Золотая валюта трещит. Витте трещит вместе с нею», – пишет в своем дневнике Суворин.

Чтобы спасти свое положение, а вместе с ним банковскую систему, Витте идет в наступление против вчерашнего друга Саввы Мамонтова. Он требует, чтобы банк забрал у Мамонтова кредит. А если тот не сможет расплатиться – пусть отдает вятскую концессию.

«По инициативе Витте против Мамонтова и его коллег было возбуждено уголовное преследование за те самые противозаконные финансовые комбинации, о которых министерство финансов не только прекрасно знало, но которые оно покрыло ходатайством перед Государ-

[10] Бурный рост в Западной Европе и Америке привел к пузырю, который лопнул, породив денежный кризис. Кредитные ставки быстро выросли, поток капиталов высох, заемщики не могли обслуживать подорожавшие кредиты, кредиторы требовали возврата. Железнодорожные компании в Америке и Европе начали разоряться. Финансовый кризис быстро перекинулся на промышленность, а конвертируемость рубля и открытость экономики России с одной стороны и ее отставание от западных стран привели к еще более глубокому кризису в стране. Во многом кризис этот напоминает события 2008–2009 годов.

ственным советом о передаче выгодной концессии в руки тех самых людей, которых оно затем решило посадить на скамью подсудимых, – вспоминает прокурор Лопухин. – Они представлялись людьми, гораздо более зарвавшимися в предпринимательстве, чем нечестными. Защищать нравственность их поступков, конечно, было невозможно, но и выбор министерством финансов именно их в качестве дани правосудию казался непонятным»[11].

Дальше все похоже на либретто плохой оперы. Савва Мамонтов не может выплатить кредит банку, Витте требует принудительно продать государству акции железной дороги от Москвы до Архангельска по символической цене. Мамонтов разорен и обвинен государством в хищениях и растрате. Его арестовывают и пешком проводят через всю Москву, чтобы посадить в Таганскую тюрьму.

Мамонтов пытается спасти бизнес, его друзья, в первую очередь Савва Морозов, готовятся внести за него залог, но власти ставят палки в колеса. Сумма залога непомерная даже для успешных купцов – пять миллионов рублей[12].

Друзья-художники – Серов, Врубель, Репин, Суриков, Поленов, Левитан, Васнецов – публично выступают в защиту Мамонтова. Валентин Серов даже идет к Николаю II, чтобы просить отпустить больного Мамонтова под домашний арест, – император говорит, что уже распорядился, но ничего не происходит. Федор Шаляпин, покинувший мамонтовскую оперу, наоборот, уклоняется от поддержки опального бизнесмена.

Перед судом Мамонтова все-таки переводят под домашний арест. В зал суда приходит Горький. В письме Чехову он так описывает свои впечатления: «Видел я Мамонтова – оригинальная фигура! Мне совсем не кажется, что он жулик по существу своему, а просто он слишком любит красивое и в любви своей – увлекся».

Судьбу Мамонтова решают присяжные. В зале, затаив дыхание, вердикта ждет Станиславский. Когда присяжные объявили Мамонтова невиновным, «зал дрогнул от рукоплесканий. Толпа бросилась со слезами обнимать своего любимца», – вспоминает эту сцену режиссер Художественного театра. Впрочем, это последняя овация Мамонтова. Он банкрот – и уже не в состоянии вернуться ни в бизнес, ни в театр, ни к жене, которая не простила ему романа с оперной певицей.

Для Витте, впрочем, эта игра тоже не заканчивается успехом. Ему не удается избежать кризиса – в российской экономике начинается депрессия, из которой страна начнет выбираться только после 1907 года, когда самого Витте уже не будет в правительстве.

---

[11] Дело Мамонтова чем-то напоминает первый процесс Михаила Ходорковского и дело ЮКОСа 2003 года. В обоих случаях участники рынка очень удивлены судебным преследованием: оно противоречит устоявшимся правилам игры. Подобные махинации совершали все, почему же наказан только Мамонтов (Ходорковский), недоумевают его коллеги. В обоих случаях пристрастный судебный процесс привел к банкротству бизнеса, хотя изначально были все шансы его спасти.

[12] Примерно равно 3 955 000 000 рублей (на 2017 год).

Художники и рабы

Сергей Дягилев, хоть и уволен из дирекции императорских театров, не остался без должности – финансирование его журнала продолжается. В июле 1902 года официально объявлено, что субсидирование «Мира искусства» продолжится – из личных средств императора, правда, уже в размере 10, а не 15 тысяч[13]. Но теперь проблемы все чаще возникают внутри самого объединения художников. Дягилев считает, что молодые силы должны вместе выступить против отживающих авторитетов: таков, по его словам, общемировой культурный тренд. Он пытается убедить молодых русских художников в том, что все они должны сплотиться именно вокруг него, потому что он принесет им славу. «Я хочу выхолить русскую живопись, вычистить ее и, главное, поднести ее Западу, возвеличить ее на Западе», – пишет он своему другу Александру Бенуа. Но даже Бенуа это кажется фантазией и бредом.

Все сильнее отдаляется от Дягилева Дима Философов – в отношениях с супругами Мережковскими он чувствует себя свободнее. Освободиться от «дягилевского рабства» мечтает не только его двоюродный брат. Многие участники считают выставки «Мира искусства» диктаторскими, особенно возмущены московские художники, которым всегда достается меньше места в экспозиции, чем петербургским друзьям Дягилева.

16 февраля 1903 года, после очередной выставки, в редакции «Мира искусства» (то есть в квартире Дягилева) собираются все лучшие молодые художники страны: и московские, и петербургские. Собрание превращается в восстание: все говорят про диктаторские замашки Дягилева, требуют создать постоянное жюри, которое отбирало бы работы. Главный удар для Дягилева: сторону бунтовщиков принимают самые близкие ему люди – Бенуа и Философов. Первый говорит, что пора создать новое общество. А второй резюмирует: «Ну и слава богу, конец значит».

Дягилев понимает, что спасти свой проект может, только пригласив на место уходящих звезд новых. Он забрасывает письмами Антона Чехова: хочет, чтобы модный драматург стал литературным редактором «Мира искусства». Чехов отвечает на каждое письмо Дягилева – длинными и очень вежливыми отказами. Причин в целом две: он не может по состоянию здоровья переехать в Петербург и не сможет работать вместе с сотрудником журнала Мережковским – из-за отношения к религии. «Как бы я ужился под одной крышей с Д. С. Мережковским, который верует определенно, можно сказать, верует учительски, в то время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего».

Но Дягилев не сдается. Ему так и не удается заманить к себе Чехова, но все же Диму Философова он у Мережковских отбивает. Весной 1902 года после долгих уговоров и скандалов Философов фактически сбегает из дома Мурузи, оставив супругам записку: «Я выхожу из нашего союза не потому, что не верю в дело, а потому, что я лично не могу в этом участвовать». Дягилев счастлив. Они с Философовым уезжают вдвоем в долгое путешествие по Италии.

[13] Примерно равно 7 910 000 рублей и 11 865 000 рублей (на 2017 год).

Царьград наш

От отца новому императору Николаю II достаются в наследство весь двор, все правительство, все военное командование и все накопленные страной проблемы. Первым испытанием для Николая становится идея военной операции по захвату Стамбула (тогда город официально называется Константинополь, а для многих русских патриотов – это былинный «Царьград»).

Проект «возвращение Царьграда» (никогда России не принадлежавшего) был одним из самых популярных в российском обществе конца XIX века. Российские войска уже однажды остановились в шаге от Константинополя – в 1878 году, во время Русско-турецкой войны, в конце правления Александра II. Патриоты-славянофилы мечтали завладеть Константинополем, этот вопрос постоянно обсуждала пресса, и самым известным фанатом этой идеи был Федор Достоевский: «Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я, – писал Достоевский. – И, во-первых, это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы».

Витте вспоминает, что еще со времен Александра II в генштабе существовал план захвата черноморских проливов и турецкой столицы – русские войска должны были приплыть к Босфору на плотах. Однако Александр III решил воздержаться от каких-либо войн с Турцией (в целом, он был не против, но считал, что момент неудачный). Появление Николая II открыло новые возможности для давних поклонников идеи «водрузить православный крест над Святой Софией».

Вскоре после коронации Николая правительство собирается, чтобы обсудить первоочередной вопрос: стоит ли готовиться к захвату Константинополя? Инициатор обсуждения – посол России в Турции Александр Нелидов. Он предсказывает скорую политическую катастрофу в Османской империи, которой России непременно стоит воспользоваться и захватить Босфор.

Почти все участники заседания выступают «за»: глава генштаба, военный и морской министры, глава МИД, симпатизирует идее и сам Николай II. Против только Витте, он говорит, что «эта затея приведет, в конце концов, к европейской войне и поколеблет то прекрасное политическое и финансовое положение, в которое поставил Российскую Империю Император Александр III».

Николай II выслушивает все доводы – и дает добро на начало операции. Решено подготовить десант, который должен отправиться в Турцию из Одессы и Севастополя, и спровоцировать в Константинополе волнения, которые могли бы стать предлогом для ввода войск. Министр финансов просит занести в протокол заседания его особую позицию: все это «крайне рискованно, а потому может иметь гибельное последствие».

Император на особое мнение Витте не обращает никакого внимания. Но Сергей Витте опытный бюрократ, он давно в правительстве, хорошо знает двор, в теплых отношениях с матерью императора. Он отправляется жаловаться на царя старшим. Сначала – дяде царя, великому князю Владимиру, командующему гвардией и Петербургским военным округом. Владимир участвовал в предыдущей Русско-турецкой войне, в которой российские войска так близко подошли к Константинополю. С одной стороны, князь Владимир – самый авторитетный из военных страны, с другой – человек культурный, любит искусство и возглавляет Академию художеств.

Поговорив с дядей, Витте отправляется к Победоносцеву. Воспитатель императора хоть и близко дружил с покойным Достоевским, но никогда не разделял его идею, что Россия как «предводительница Православия» и «столица Всеславянства» должна завладеть Царьградом.

«Помилуй нас Бог», – пишет Победоносцев Витте, прочитав о санкции царя на военную операцию. Победоносцев боится любых потрясений.

Усилия Витте приносят плоды, старшие переубеждают Николая. Приехав в Константинополь, посол Нелидов получает указания ничего не предпринимать. Война отменяется, но Николай очень зол на Витте и едва ли не перестает разговаривать с ним. Императору очень хочется славы и новых достижений, а интриган Витте все портит. С одной стороны, царь не решается ослушаться дядю и Победоносцева и отменяет захват Константинополя, с другой – не может простить Витте своей собственной нерешительности.

Невеликие великие князья

«Что я буду делать?! Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!» – так, по воспоминаниям великого князя Александра (Сандро), говорил ему Николай II сразу после смерти отца, Александра III. Шел октябрь 1894 года, Ники (так звали Николая в кругу семьи) было только 26 лет, но он совершенно не думал о государственных делах.

Отец, император Александр III, не воспринимал наследника всерьез. Один из чиновников вспоминает, как на ужине, где обсуждались государственные дела, как только молодой Ники пытался принять участие в разговоре, отец начинал бросать в него хлебные шарики.

В 1894 году Николаю было тем более не до политики: он влюбился. Весной того года он поехал в Германию делать предложение молодой немецкой принцессе Аликс. О помолвке было объявлено 7 апреля, почти все лето Николай провел у невесты в Лондоне, вернулся на родину в сентябре. Александр III сильно болел, и врачи рекомендовали ему ехать поправлять здоровье в Крым. Но он сначала не послушался – и отправился охотиться в Польшу. Там его состояние ухудшилось. Тогда императорская семья все же поехала в Крым.

Однако там 49-летнему императору стало еще хуже, в Ливадию вызвали лучших врачей России, потом родственников, потом привезли отца Иоанна Кронштадтского, самого популярного столичного священника с репутацией целителя-чудотворца. Срочно приехала к Ники и его невеста Аликс.

20 октября 1894 года Иоанн Кронштадтский причастил Александра III, после чего тот умер. Скоропостижная смерть сильного и совсем не старого императора стала для всех шоком, и, как вспоминает великий князь Сандро, наследник престола паниковал.

Даже через пять лет после коронации, в 1901 году, Николай II по-прежнему чувствует себя неуверенно. После смерти отца Николай вовсе не стал главой семьи. У Александра III четыре брата: великие князья Владимир, Алексей, Сергей и Павел. Помимо них у Николая есть еще двоюродные дяди – внуки императора Николая I, их больше десяти. (Кстати, и ближайший друг детства, Сандро, тоже приходится Ники двоюродным дядей, хотя он и старше племянника всего на два года.)

И если на людях дяди ведут себя уважительно, то в кругу семьи дистанция пропадает. У каждого из великих князей есть своя специализация. Дядя Владимир – командующий гвардией и президент Академии художеств, дядя Алексей – командующий флотом, дядя Сергей – генерал-губернатор Москвы. Каждый из них считает себя намного более компетентным, нежели племянник, и совершенно не стесняется ему это объяснить. А молодой император боится перечить.

Витте вспоминает, что в первые дни правления Николая собирался утвердить у него приказ о закладке новой главной базы российского флота в том месте, где сейчас находится город Мурманск. Это решение принял еще Александр III, о чем наследник знал. Однако в дело вмешался дядя, великий князь Алексей, который предлагал основать базу в Лиепае (тогда – Либаве). Молодой император сначала заверил Витте, что не отступится от решения отца, а потом, едва ли не втайне от министра, подписал приказ, принесенный дядей. (Спустя много лет это решение окажется роковой ошибкой: во время Первой мировой войны главная база российского флота будет заперта в Балтийском море немецким флотом, к Мурманску не будет проложена железная дорога, и все основные британские поставки в Россию будут идти через Архангельск; Мурманскую железную дорогу будут строить ускоренными темпами и успеют только к ноябрю 1916-го.)

«Об одном только можно пожалеть, что вообще великие князья играют часто такую роль только потому, что они великие князья, – пишет в своих воспоминаниях Сергей Витте. –

Между тем как роль эта совсем не соответствует ни их знанию, ни их талантам, ни образованию. Когда же они начинают влиять на Государя, то из этого большею частью всегда выходят одни только различные несчастья». Впрочем, Витте не гнушается максимально использовать великих князей в собственных интересах.

«Все-таки мы далеко ушли от Китая»

Сергей Витте считает себя знатоком Дальнего Востока и гордится тем, как он умеет налаживать отношения с китайцами. Еще в должности министра путей сообщения Витте начал строительство Транссиба, тогда называвшегося Великим Сибирским путем. Став министром финансов, Витте продолжает курировать свое детище (на которое все время нужны новые деньги – смета постоянно растет). Отказаться от этого проекта он никак не может: еще покойный император Александр III поручил ему строительство железной дороги – и Витте воспринимает это поручение в самом широком смысле.

В 1895 году заканчивается война между Китаем и Японией; китайские войска терпят поражение, императрица Цыси стремится заключить перемирие до своего 60-летия и подписывает Симоносекский мирный договор: Китай уступает Японии два небольших кусочка земли. Один из них – Тайвань, остров, название которого сейчас известно всем. А второй – Ляодунский полуостров, маленький полуостров в Желтом море рядом с Кореей, и сейчас, и в конце XIX века в России о нем мало кто слышал.

Это все очень далеко от российской территории, но Витте все равно считает, что ситуация опасная. Любое проникновение Японии в материковый Китай – угроза для строящегося Транссиба. Тем более что у Витте есть два варианта, как строить дорогу. Можно провести ее только по российской территории, огибая Амур, через Читу и Хабаровск (именно так Транссиб идет сейчас). Но можно срезать: кратчайшее расстояние между Иркутском и Владивостоком – через Монголию и Китай. Второй вариант нравится Витте намного больше.

Поэтому Витте предлагает выдвинуть Японии ультиматум: она не должна нарушать территориальную целостность Китая и, вопреки подписанному только что договору, должна вернуть Ляодунский полуостров обратно китайцам. Прочие члены правительства к его предложению равнодушны, но Николай II его поддерживает. Он не любит японцев – еще будучи наследником престола, он съездил в Японию, и там на него было совершено покушение. Идея Витте ущемить Японию нравится императору.

К российскому ультиматуму присоединяются Франция и Германия – европейские державы не хотят усиления Японии. Япония подчиняется: уходит с уже завоеванного полуострова, ограничившись денежной компенсацией. А Витте помогает китайскому правительству взять кредит во французских банках, чтобы расплатиться с Японией.

Вскоре Витте проводит очень удачные переговоры с представителем китайского императора Ли Хунчжаном: решено, что Транссиб будет построен по кратчайшему маршруту через Китай, при этом дорога останется в российской собственности и будет охраняться российскими военными. Эта договоренность (принципиально важная для Витте) становится частью большого российско-китайского оборонительного союза – Россия обещает защищать Китай в случае, если на него нападет Япония.

Переговоры Витте и Ли Хунчжана сопровождаются одним очень показательным эпизодом. Формальный повод для визита китайского чиновника – участие в коронации Николая II. 30 мая 1896 года, вскоре после коронации, происходит страшная давка на Ходынском поле недалеко от Москвы. И Витте, и Ли Хунчжан оказываются почти очевидцами трагедии.

Витте вспоминает, что еще до приезда Николая II на Ходынское поле там началась раздача подарков и угощений, толпа стала напирать, многие попадали в ямы и были задавлены. Всего пострадало две тысячи человек. Витте мучают два вопроса. Первый: «Как поступят с трупами убитых людей, успеют ли поразвозить по больницам тех, которые еще не умерли, а трупы свезти в какое-нибудь такое место, где бы они не находились на виду у всего остального, веселящегося народа, Государя, всех его иностранных гостей и всей тысячной свиты?» Второй: не прикажет ли император отменить торжества, заменив их панихидой?

Одновременно с Витте на место трагедии приезжает и китайский посланник Ли Хунчжан. «Неужели об этом несчастье будет подробно доложено императору?» – спрашивает он. «Уже доложили», – отвечает Витте. «У вас государственные деятели неопытные. Вот я, когда был губернатором и в моей области была чума и поумирали десятки тысяч людей, а я всегда писал императору, что у нас все благополучно. И когда меня спрашивали: нет ли каких-нибудь болезней, я отвечал: никаких болезней нет, все население находится в полном порядке. Для чего я буду огорчать императора сообщением, что у меня умирают люди? Если бы я был сановником вашего государя, я, конечно, все от него скрыл бы» – так передает Витте слова китайского посланника. «Ну, все-таки мы далеко ушли от Китая», – с удовлетворением констатирует для себя министр финансов.

Однако никакие празднества не отменены, оркестр играет так, как будто ничего не случилось. Правда, по словам Витте, император выглядит грустнее, чем обычно.

Вечером того дня, 30 мая, назначен бал у французского посла графа Монтбелло. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей, дядя царя, рассказывает Витте, что императору советовали попросить посла отменить этот бал или хотя бы не приезжать на него самому. Но Николай не согласился. По его мнению, несчастье не должно омрачать коронации; ходынскую катастрофу надлежит в этом смысле игнорировать. Витте немедленно вспоминает слова Ли Хунчжана и осознает, что все-таки Россия не так далеко ушла от Китая, как ему казалось утром. Император и императрица приезжают на бал, царь танцует первый контрданс с графиней Монтбелло, а царица – с графом.

Китайский император Николай

Почти одновременно с китайским соглашением Россия подписывает еще и договор с Японией – о совместных действиях в Корее. Фактически Корея, которая до недавних пор считалась протекторатом Китая, теперь входит в зону общих экономических интересов России и Японии.

По словам Витте, молодому царю не терпится распространить влияние России на Дальний Восток: «У него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами».

Витте, конечно, этому потворствует, красочно расписывая императору, как Дальний Восток может стать для Российской империи тем же, чем для Британской стала Индия. Николай, по воспоминаниям Витте, уже воображает, как добавит к своему титулу императора российского титул китайского императора или князя корейского, а может быть, еще и императора японского.

Впрочем, вскоре происходит неприятность. С первым официальным визитом в Петербург приезжает германский император Вильгельм II. Кайзер гостит в Петергофе. Однажды два монарха едут вместе в экипаже и Вильгельм внезапно спрашивает, нужен ли России китайский порт Циндао – небольшой город на противоположном от Ляодуна берегу Желтого моря. Царь смущается, а кайзер объясняет, что российские корабли никогда не заходят в этот порт, а Германии, наоборот, он очень нужен, потому что мог бы стать стоянкой германских судов. Но, конечно, Германия никогда не посягнет на Циндао без согласия русского императора. Николаю II неловко отказать, он соглашается.

Спустя несколько недель в Петербурге узнают, что немецкий флот захватил Циндао. Император собирает комитет министров – и министр иностранных дел граф Муравьев предлагает последовать примеру немцев: захватить один из китайских портов на Ляодунском полуострове, например Порт-Артур. «Друг китайцев» Витте возражает, что Россия не может так грубо нарушить недавно подписанный договор с Китаем. Кроме того, это будет очевидным вызовом Японии, ведь Россия не дала ей захватить Ляодунский полуостров, требуя «соблюдать территориальную целостность Китая». Если Германия захватила китайский порт, это еще не повод, чтобы Россия поступала так же, – рассуждает министр финансов. Император принимает сторону Витте.

Спустя несколько дней, когда Витте приходит к Николаю II с докладом, тот как бы невзначай сообщает: «А знаете ли, Сергей Юльевич, я решил взять Порт-Артур и Да-лянь-ван и направил уже туда нашу флотилию с военной силой. Я это сделал потому, что министр иностранных дел мне доложил после заседания, что, по его сведениям, английские суда крейсируют в местностях около Порт-Артура и Да-лянь-ван и что если мы не захватим эти порты, то их захватят англичане».

Вскоре император назначает нового военного министра – им становится активный и популярный в прессе генерал Куропаткин, в прошлом начальник штаба легендарного генерала Скобелева. Алексей Куропаткин известен как горячий сторонник захвата Константинополя. Но, став министром, он быстро начинает ориентироваться в ситуации. Теперь он интересуется Дальним Востоком и требует не просто захватить Порт-Артур, но и оккупировать все прилегающие территории – а именно весь Ляодунский полуостров, иначе защитить порт не будет никакой возможности. Россия отправляет Китаю требование передать России полуостров в безвозмездную аренду на 25 лет.

Витте вспоминает, что он сопротивляется этим планам – будто бы даже подает в отставку в знак протеста. Впрочем, это противоречит воспоминаниям других чиновников. Они уверяют, что Витте тоже вдохновлен идеей освоения Дальнего Востока и министерство финансов выде-

ляет огромные суммы на строительство нового порта в Китае, на месте крошечного поселка Да-лянь-ван. Витте даже придумывает ему название – «Дальний».

Получив приказ императора обеспечить оккупацию Порт-Артура, министр финансов выделяет 500 тысяч рублей[14] на взятки китайским чиновникам, в том числе Ли Хунчжану. (По словам других чиновников, это было традицией – все договоры, которые подписывал Витте с китайцами, были проплаченными. Сам Витте это отрицает.) В результате китайское правительство подписывает соглашение о передаче полуострова России на 25 лет. Российские войска немедленно высаживаются в Порт-Артуре и оккупируют всю область. Ни единого выстрела не произведено – китайские адмиралы из Порт-Артура тоже довольствуются небольшими взятками.

[14] Примерно равно 395 500 000 рублей (на 2017 год).

Желтороссия

На рубеже XIX и XX веков Российская империя хоть и не слишком благополучна, но многие великие империи переживают куда более сложный период. И тяжелее всех тысячелетней Китайской империи, южному соседу Российской. Как и в России, правящая династия сохраняет власть уже три века – это Цин, китайские Романовы. Большую часть XIX века империя охвачена борьбой между сторонниками реформ, модернизации и открытых отношений с Западом и приверженцами изоляции, традиций и особого китайского пути. Свободная и неограниченная торговля с Западом приносит Китаю очень много проблем. Население Китая повально подсаживается на курение опиума, который привозят британские и индийские корабли. Эпидемия наркомании сопровождается оттоком твердой валюты (то есть серебра) – простые китайцы тратят почти все свои доходы на покупку импортного опиума.

В 1839 году партия противников опиума одержала верх, и империя перешла к другой крайности – все порты Китая были объявлены наглухо закрытыми для иностранцев. В ответ британский флот приготовился к высадке у Нанкина, южной столицы страны. Китайская армия не могла помешать британцам – она была оснащена в основном средневековым холодным оружием. В 1842 году Китайская и Британская империи подписали договор: все основные китайские порты открылись для англичан, а Гонконг и вовсе стал английской колонией. Нанкинский договор – первое, но не последнее унизительное соглашение, которое пришлось подписать китайскому руководству в XIX веке.

С руководством, кстати, тоже проблемы. Последний взрослый император Даогуан умирает в 1850 году (в возрасте 68 лет). После этого более полувека Китаем правят очень молодые и не слишком подготовленные люди. Сяньфэн становится императором в 19 лет, умирает в 30. Тунчжи становится императором в 5 лет, умирает в 19. Гуансюй становится императором в 4 года, а в 27 его отстраняют от власти и помещают под домашний арест. Наконец, Пу И будет императором с 2 до 6 лет.

На фоне сменяющих друг друга детей страной реально правит императрица Цыси – бывшая наложница императора, сумевшая взять власть в свои руки. Она случайно оказалась на троне, но быстро уверовала в свою богоизбранность, а также в то, что ее личные интересы, подозрения, жажда власти и страх за собственную жизнь – это и есть те принципы, которыми нужно руководствоваться в управлении государством.

В 1890-е годы китайские власти состоят из двух противоборствующих групп. Консерваторы (окружение регентши, императрицы Цыси) не хотят реформ и ориентируются на помощь России. Другая, более малочисленная группа хочет модернизации и предпочитает ориентироваться на Британию и Японию, которая открылась Западу в 1860–1880-е годы благодаря императору Мэйдзи. К этой группе относится и воспитатель монарха. Император Гуансюй – почти ровесник Николая II. Он очень хочет преобразований, но боится свою приемную мать, императрицу Цыси.

Переломным моментом становится оккупация Циндао немцами – китайское общество возмущено. Поднимается патриотическое движение, философ Кан Ювэй пишет воззвание, обращенное к императору, с планом необходимых либеральных реформ. Фактически он предлагает молодому императору конституционную монархию (в одном из писем Кан Ювэй призывает императора брать пример с российского императора Петра I). И уже через полгода Гуансюй начинает действовать. Осторожно, чтобы не напугать Цыси, начиная с июня 1898 года император начинает издавать реформаторские указы: о создании Пекинского университета, о строительстве железных дорог, о реорганизации китайской армии по европейскому образцу, о срочном переводе иностранных книг, о закупке паровых машин и популяризации машинной техники, о борьбе с незаконными поборами, о публикации госбюджета и так далее. Реформы

продолжаются сто дней – и в сентябре заканчиваются. Императрица Цыси совершает переворот – императора арестовывают и сажают под домашний арест. Почти все указы, изданные за «сто дней реформ», отменяются, начинается волна антиреформаторских репрессий. Ближайших советников императора казнят без суда.

Россия всячески поддерживает переворот – министр иностранных дел Муравьев сообщает императрице Цыси, что она может рассчитывать на помощь в борьбе с прозападными реформаторами.

Репрессии против сторонников реформ набирают силу. Императрица и ее двор обвиняют во всех проблемах внешних врагов, навязывающих Китаю унизительные договоры и болезненные реформы. Начинается так называемое восстание ихэтуаней (отрядов гармонии и справедливости); на самом деле не совсем восстание, а дирижируемая властями волна погромов и нападений на иностранцев и на национал-предателей – китайских христиан. «Пусть каждый из нас приложит все усилия, чтобы защитить свой дом и могилы предков от грязных рук чужеземцев. Донесём эти слова до всех и каждого в наших владениях», – говорится в указе императрицы Цыси. Европейцы называют восставших «боксерами». Ситуация очень скоро выходит из-под контроля: в Пекине начинают убивать дипломатов, по всей стране жгут христианские храмы.

Узнав о начавшихся волнениях в Пекине, Витте говорит, что это как раз последствия захвата Ляодунского полуострова. Но Куропаткин, наоборот, очень рад. Он считает, что волнения – это хороший повод перестать поддерживать Цыси и захватить еще большую часть Китая, Маньчжурию, область, граничащую с Кореей и российским Дальним Востоком. Этот регион особенно важен еще и потому, что это родина правящей в Китае династии Цин. Витте утверждает в своих воспоминаниях, что он – противник присоединения Маньчжурии. Ему больше по душе экономическая экспансия в Корею.

«Боксерское восстание» в Китае разгорается, европейская пресса едва ли не ежедневно описывает чудовищные погромы. Создается международная коалиция для вторжения в Китай и подавления ихэтуаней. Свои войска в Китай посылают Россия, Британия, Франция, Германия, Италия, Австро-Венгрия, США и Япония. 20 июня ихэтуани начинают осаду посольского квартала в Пекине. Власти поначалу им просто покровительствуют, но 21 июня императрица Цыси объявляет войну всем восьми иностранным государствам, которые ввели войска. В ночь с 23 на 24 июня в Пекине происходит «китайская Варфоломеевская ночь»: зверски истреблены почти все христиане, проживающие в Пекине.

Военный министр Куропаткин настаивает на том, что российские войска должны быть введены в Пекин, чтобы наказать зачинщиков погромов. Витте возражает, говоря, что не надо настраивать против себя китайцев – пусть экзекуцию в столице устраивают японцы. Император принимает сторону Куропаткина, российские отряды входят в китайскую столицу, грабят дворцы. Кроме них в Пекин заходят американцы и британцы. Императрица Цыси бежит из города, захватив с собой и арестованного ею императора-реформатора. Как вспоминает Витте, командующий российскими войсками генерал Линевич, получивший за взятие Пекина Георгия на шею, привозит оттуда 10 сундуков награбленных ценностей.

Тем временем усиливаются антироссийские волнения в Маньчжурии, все чаще происходят нападения на строителей железной дороги, которую прокладывают в сторону Порт-Артура. Теперь уже Витте, куратор железнодорожников, требует усилить воинский контингент в Маньчжурии. Куропаткин выполняет свою давнюю мечту – Маньчжурия оккупирована. Официально объявлено, что оккупация продлится только до тех пор, пока не закончится боксерская смута. Но военные вовсе не собираются покидать Маньчжурию, несмотря на то что их миссия выполнена.

Завершается первая, самая удачная и самая неизвестная война Николая II, так называемый китайский поход. Россия де-факто захватывает северо-восток Китая, император счаст-

лив, поскольку начал увеличивать свои владения. В его окружении уже фантазируют о том, как осваивать «Желтороссию» (так начинают называть этот регион): надо ли переселять в эту зону русских колонистов, стоит ли создавать там местный казачий корпус?

Возмущен лишь Лев Толстой. Он пишет «Обращение к китайскому народу»: «К вам пришли европейские вооруженные люди и безжалостно, как дикие звери, набросились на вас: разоряя, грабя, насилуя и убивая вас. Люди эти называют себя просвещенными и страшно сказать – христианами. Не верьте им». Толстой уверяет, что все захватчики Китая, а также «их начальники, парламенты, министры, короли и императоры», которые санкционировали эту войну, – «злейшие враги христианства».

Борьба со смертью и борьба с режимом

В марте 1902 года молодой писатель Максим Горький получает телеграмму из столицы: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук избрало его своим почетным членом. Писателю почти 33, он самый молодой академик в стране. Он немедленно сообщает радостную новость соседям по Крыму – академикам Антону Чехову и Льву Толстому.

Толстому уже лучше. Температура снижается, но он по-прежнему не выходит. Родные и друзья обсуждают, не сделать ли заграничные паспорта, чтобы уехать лечиться за границу? Однако до этого не доходит: только поправившись после воспаления легких, граф заболевает брюшным тифом. Болезнь 72-летнего писателя продолжается десять дней, и он идет на поправку. В третий раз за три месяца он стоит на пороге смерти – и в третий раз выживает.

Чехов и Горький продолжают навещать выздоравливающего Толстого. В конце марта Горький приходит к графу со странным известием. Крымский губернатор прислал телеграмму с просьбой вернуть уведомление об избрании Горького почетным академиком. Отдыхающие в Крыму писатели пока не могут понять, что происходит.

Тем временем в Петербурге грандиозный переполох. Узнав об избрании академиком находящегося под следствием Горького, министр внутренних дел Сипягин приносит императору справку о деятельности писателя. Николай II изучает документ (самого Горького он, конечно, не читал) и ставит резолюцию: «Более чем оригинально». А следом диктует письмо министру просвещения:

«Чем руководствовались почтенные мудрецы при этом избрании, понять нельзя. Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточное наличие причин в пользу его избрания на такое почетное звание. Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием. И такого человека в теперешнее смутное время Академия наук позволяет себе избирать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему повелению выбор Горького отменяется. Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии».

Министром просвещения (после убитого Боголепова) в этот момент работает 79-летний генерал Петр Ванновский, в недавнем прошлом военный министр. Он в жутком смущении сообщает о решении царя президенту Академии наук России, великому князю Константину.

Великий князь Константин – не только дядя царя, но и довольно известный в стране поэт, публикующий свои произведения под псевдонимом К. Р. Впрочем, он не заступается за коллегу-литератора, не идет объяснять племяннику, в чем заслуги молодого Горького. Напротив, он пишет крымскому губернатору и просит отобрать у писателя телеграмму, извещающую его об избрании почетным академиком. Горький отказывается: он говорит, что отдаст уведомление, только если его попросит сама Академия.

Первым не выдерживает 47-летний Владимир Короленко, тоже почетный академик, главный поклонник творчества Горького. Он пишет письмо в Петербург с требованием провести повторное заседание Отделения русского языка и вновь рассмотреть вопрос об избрании Горького. Его просьбу в Академии игнорируют и аннулируют свое решение.

Короленко и Чехов пишут письма в Петербург, отказываясь от звания почетных академиков в знак протеста против исключения Горького. Всегда аполитичный Чехов предлагает Толстому присоединиться к демаршу, но граф отвечает, что не хочет участвовать в странных бюрократических склоках – и вообще не считает себя академиком.

Чехов, никогда раньше не интересовавшийся политикой и не участвовавший ни в каких политических акциях, страшно обижается. «Толстой человек слабый, – жалуется он своему другу Суворину. – Я знаю, что он считает себя академиком». В качестве доказательства Чехов

вспоминает тот факт, что еще в 1900 году Толстой голосовал за то, чтобы принять в академики литератора Боборыкина.

Модный священник

30-летний священник Георгий Гапон возвращается в Петербург. Он восстанавливается в Духовной академии и отправляется служить в церковь в Галерной гавани – очень неблагополучном районе неподалеку от Балтийских верфей, где живут рабочие окрестных фабрик, а также нищие, бездомные и безработные, словом, персонажи горьковского «На дне». Эти люди ценят проповеди Гапона, на его службу каждый раз набивается полная церковь, а он не жалеет времени, чтобы пообщаться с паствой и выслушать ее жалобы. После службы Гапон ходит по ночлежкам и пытается придумать, как помочь живущим там людям (в том числе и материально), но его идеи отвергаются церковным начальством.

Одновременно Гапон становится преподавателем и настоятелем в двух детдомах, в том числе в Ольгинском детском приюте. Это особенный детдом, его патронирует императрица, а в попечительский совет входят многие богатые дамы. Так молодой священник из-под Полтавы начинает знакомиться со столичным высшим светом. Светские львицы тоже быстро проникаются симпатией к Гапону – он красив, харизматичен, хорошо говорит и – как выражаются его поклонницы – «похож на Христа».

Один из новых знакомых священника – сенатор Николай Аничков, главный попечитель детских приютов, фактически начальник Гапона. Он часто приглашает священника к себе в гости, говорит с ним о благотворительности, кормит ужинами, угощает роскошными винами и рассказывает о том, что все эти продукты ворует его дядя, который заведует хозяйственной частью Зимнего дворца. Гапон долго недоумевает, зачем тот так откровенен.

Гапон, в свою очередь, шокирует своих светских знакомых – особенно дам – рассказами о жизни нищих. Не ради эпатажа: с неизменной страстью он рассуждает, как можно облегчить участь бедняков, привлекая их к общественным работам. Почитательницы Гапона доносят слухи о молодом священнике до петербургского градоначальника Клейгельса, который вызывает Гапона к себе и просит его написать доклад о социальной реабилитации безработных.

Гапон пишет труд под названием «К вопросу о мерах против босяцкого нищенства и тунеядства». По сути это подробная программа создания исправительных колоний для бездомных. Доклад делает Гапона еще более известным, текст передают из рук в руки просвещенные чиновники, а особенно их жены, и вскоре он даже доходит до императрицы, которой тоже нравятся идеи священника. Александра планирует провести специальное заседание, чтобы обсудить предложения Гапона. Толстовец из-под Полтавы в шаге от своего звездного часа – он почти выполнил свою мечту.

Однако никакого серьезного обсуждения идей Гапона не происходит. Спустя несколько месяцев светские дамы увлекаются какой-то другой темой, а он выходит из моды. «Я имел случай наблюдать жизнь высшего общества и нашел ее далеко не завидной, – вспоминает Гапон. – Как в разговорах своих, так и в поступках люди эти никогда не были искренни. Вся жизнь их была нудная, скучная и бесцельная. Их интерес к благотворительности был порывист и поверхностен».

Впрочем, так Гапон напишет позже – а в 1902 году ему нравится светское общество, он уверен, что сможет использовать его. Церковное начальство новая жизнь Гапона раздражает – и у них начинаются конфликты. В итоге священник решает уйти из детских приютов, чтобы устроиться на работу к одной из новых знакомых придворных дам. 2 июля 1902 года он произносит патетическую прощальную проповедь: «Братцы, меня отсюда выгоняют, но ничего. Я был здесь мучеником; но за все мои страдания Господь услышал мою молитву и послал место. Это недалеко отсюда. Приходите туда».

Но ничего не выходит. Сенатор Аничков, выяснивший за ужинами подробности личной жизни Гапона, пишет на него донос. Очевидно, он обижен на то, как нелестно в своем знаме-

нитом докладе Гапон отозвался о его детских приютах. И теперь он раскрывает и церковному начальству, и светским дамам всю правду о настоящей жизни Гапона. Оказывается, священник соблазнил одну из сирот – воспитанниц приюта, 18-летнюю Александру Уздалеву. Более того, они даже начали жить вместе. А ведь по церковным законам жениться второй раз вдовец Гапон никак не может.

Донос Аничкова становится ударом по репутации Гапона: в июле 1902 года его выгоняют из Духовной академии и вот-вот должны лишить сана. Священник был так близок к цели – и потерял все. Однако, почти погубив Гапона, Аничков его нечаянно спасает. Для верности он пишет на него второй донос – в тайную полицию. К Гапону приходит агент по фамилии Михайлов, чтобы неформально допросить. Это разговор сыграет определяющую роль в судьбе Гапона. Михайлов предлагает ему сотрудничество.

Еще в детстве большое впечатление на Гапона произвел рассказ о святом Иоанне Новгородском, который якобы оседлал беса и слетал на нем в Иерусалим (этот же сюжет прославил земляк Гапона Николай Гоголь в «Ночи перед Рождеством»). По собственным воспоминаниям, маленьким мальчиком Гапон мечтал о том дне, когда ему удастся «оседлать беса». И это день настает. Он начинает сотрудничать с тайной полицией.

Агент Михайлов не только дает священнику положительную характеристику, но пишет письмо столичному митрополиту Антонию с предложением восстановить Гапона в Духовной академии. Митрополит Антоний поступает как нормальный чиновник, привыкший подчиняться Победоносцеву. Рекомендацию спецслужб он выполняет немедленно, Гапона восстанавливают, сана не лишают. С этого момента он начинает самостоятельную жизнь и больше уже не оглядывается на церковное начальство.

Адмирал Тихого океана

Удача в китайской войне окрыляет императора. Николай II жаждет новых приключений и новых побед. Он все меньше прислушивается к предостережениям и все больше – к авантюрным прожектам.

Например, отставной офицер Александр Безобразов придумывает план «ползучей оккупации» Кореи – по его идее, Россия должна постепенно скупить как можно больше земли в этой стране, чтобы поскорее взять ее под свой контроль – пока этого не сделала Япония. Для начала Безобразов создает частное предприятие – Русское лесопромышленное товарищество, которое начинает осваивать леса в бассейне реки Ялу, между Кореей и Китаем.

Витте вспоминает, что первым Безобразов убедил в перспективности своей идеи великого князя Сандро, друга детства императора. Сандро был моряком, в 20 лет совершил кругосветное путешествие, неплохо знал Дальний Восток и не любил Японию. У него было извечное убеждение, что Япония опасна и враждебна России, поэтому надо готовиться к войне с ней. Проект Безобразова очень нравится великому князю – и он знакомит его с императором. Николаю эта идея тоже симпатична, и он приказывает оказывать Безобразову всяческое содействие. Чем дальше, тем больше он хочет стать императором не только «Великой, Малой и Белой», но и «Желтой».

Витте, хоть и ратует за российскую экономическую экспансию, но в своих воспоминаниях утверждает, что идея Безобразова ему не по душе и он отказывается выделять на нее деньги из бюджета.

Впрочем, общественное мнение уверено в обратном – будто Витте тоже поклонник этой идеи. Это он «ухлопал миллионы на постройку города Дальнего и создал на казенные деньги Русско-Китайский банк, финансировавший дальневосточные аферы таких дельцов, как адмирал Абаза, сумасшедший Безобразов и их дружок Вонлярлярский», – пишет в своих воспоминаниях офицер Алексей Игнатьев.

Летом 1902 года император едет в Таллин (тогда – Ревель) на морские маневры. В июне к нему присоединяется германский император Вильгельм II. Витте вспоминает, что при расставании, когда яхта Вильгельма отходит, она дает сигнальный гудок. Текст послания такой: «Адмирал Атлантического океана шлет привет Адмиралу Тихого океана». «Сигнал, если перевести его на обыкновенный язык, значил, – вспоминает Витте, – я стремлюсь к захвату или к доминирующему положению в Атлантическом океане, а, мол, тебе советую и буду поддерживать в том, чтобы ты принял доминирующее положение в Тихом океане».

По словам Витте, Николай смущен, но идея стать тихоокеанским владыкой ему нравится. Корейская экспансия продолжается – при этом Россия совершенно игнорирует Японию, все попытки японских дипломатов начать переговоры о сотрудничестве в Корее остаются без ответа. Японцы все больше чувствуют себя оскорбленными – они еще готовы, возможно, согласиться с русской оккупацией Ляодунского полуострова, но терпеть превращение в российскую провинцию всей Маньчжурии не намерены.

Осенью 1902 года Витте, понимая, что самое важное и перспективное направление в российской политике – это Дальний Восток, отправляется в большое турне, заезжая во Владивосток, Порт-Артур и Дальний. Изучив ситуацию на месте, он едет в Крым, где отдыхает император. Витте готовит доклад по итогам поездки: главная его мысль в том, что действовать надо аккуратнее – и обязательно договориться с Японией.

Но Николай II не слушает доклад Витте (просит прислать почтой) – он доверяет Безобразову, считает, что все под контролем и вмешательство Витте совершенно излишне. То, что министр финансов лезет куда не просят, императора раздражает. 6 мая 1903 года он назначает Безобразова статс-секретарем императора. Мнение нового доверенного лица Николая II по

поводу ситуации на Дальнем Востоке известно: войска из Маньчжурии выводить нельзя, любые уступки Японии нецелесообразны, следует бороться за усиление российского влияния в Корее.

В июле 1903 года Николай выполняет еще одну идею Безобразова – бывшие китайские территории преобразуются в Дальневосточное наместничество. К тому моменту подобный статус есть только у Кавказа – особого региона Российской империи, где как раз полным ходом проводится политика русификации. Россия официально начинает осваивать Китай.

На редкие вопросы императору, не опасается ли он, что его действия приведут к войне с Японией, он всякий раз отвечает: «Войны не будет, потому что я ее не хочу».

Глава 3
В которой евреи выходят на тропу войны: Михаил Гоц и Григорий Гершуни создают самую мощную оппозиционную партию в России

Новогоднее пожелание

31 декабря, в канун нового, 1900 года, в квартире у 29-летнего минского фармацевта Григория Гершуни вечеринка. На праздник приходят его друзья-революционеры. Заглядывает и пожилая соседка – 56-летняя Екатерина Брешко-Брешковская по кличке Бабушка, легендарная диссидентка, большой авторитет для всех присутствующих.

Молодые люди спорят: может ли такое случиться, что революционеры снова, как в былые годы, обратятся к террору? Гершуни спрашивает Бабушку – и ее ответ удивляет многих: «И мы в свое время мучились тем же вопросом и говорили евангельскими словами "Да минует нас чаша сия". Вот и ныне приходится выстрадать ответ. Опять идем мы к срыву в бездну, опять мы вглядываемся в нее, а бездна вглядывается в нас. Это значит, террор опять становится неизбежным». Гершуни полностью с ней согласен, он тоже считает, что снова пришло время убивать.

На новогодней вечеринке у всех приподнятое настроение, но в конце праздника Бабушка отводит Гершуни в сторонку и говорит: «С такими рвущимися наружу мыслями в голове ты чего ждешь? Чтобы тебя изъяли из жизни и замучили в Петропавловке или на каторжных рудниках? Надо менять паспорт, надо менять место, надо нырнуть в подполье. И не очень медлить!» После этого разговора Бабушка навсегда уезжает из Минска – ей не привыкать, она путешествует по стране с подложными документами уже много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.